

СКАЗКИ ПО ТЕЛЕФОНУ

ДЖАННИ РОДАРИ

#эксмогетство

#эксмогетство

ДЖАННИ РОДАРИ СКАЗКИ ПО ТЕЛЕФОНУ

Перевод Ирины Константиновой
Иллюстрации Владимира Канивца

#эксмодетство
Москва
2020

*Паолетте Родари
и её друзьям всех цветов кожи*

МОИМ МАЛЕНЬКИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Жил да был в итальянском городе Варезе синьор Бьянки. Работа у него была очень беспокойная. Каждую неделю шесть дней из семи ездил он по всей Италии. Он отправлялся на запад и на восток, на юг и на север, и опять туда же — и так, включая субботу. А воскресенье он проводил дома, вместе с дочуркой. Но в понедельник, едва поднималось солнце, снова отправлялся в путь.

Дочка провожала его и всегда напоминала:

— Не забудь, папа, сегодня вечером опять жду новую сказку!

Надо вам сказать, что девочка эта не могла уснуть, пока ей не расскажут сказку.

Мама уже несколько раз повторила всё, что знала: множество разных чудесных сказок, и были, и небылицы...

А ей всё мало!

Вот и пришлось папе стать сказочником.

Где бы ни находился, в каком бы местечке Италии ни оказался, он каждый вечер ровно в девять часов звонил домой и рассказывал дочке новую сказку.

В этой книге я собрал все эти его «сказки по телефону», и теперь вы можете прочесть их. Они, как вы заметите, не очень длинные. Ведь синьору Бьянки приходилось платить за телефонный разговор из своего кармана, и, сами понимаете, он не мог разговаривать слишком долго.

Только иной раз, когда дела у него шли лучше, он позволял себе поговорить подольше. Конечно, если сказка того заслуживала.

Скажу вам по секрету: когда синьор Бьянки вызывал Варезе, телефонистки даже приостанавливали работу и с удовольствием слушали его сказки.

Ещё бы — некоторые из них мне и самому нравятся!

Джанни Родари

СТРАНА, ГДЕ НЕТ НИЧЕГО ОСТРОГО

Джованнино по прозвищу Бездельник очень любил путешествовать.

Путешествовал он, путешествовал и оказался в удивительной стране, где дома строили без углов — их непременно закругляли.

И крыши тоже ставили не под углом, а плавно загибая.

Вдоль дороги, по которой шёл Джованнино, тянулась живая изгородь из кустов роз, и ему захотелось вдеть цветок в петлицу своей курточки.

Он стал осторожно, чтобы не уколоться о шипы, срывать розу и вдруг заметил, что они и не колются вовсе, — они, оказывается, совсем тупые и только щекочут руку.

— Чудеса, да и только! — удивился Джованнино.

В ту же минуту из-за куста с розами появился городской стражник и с приветливой улыбкой очень учтиво поинтересовался:

— А вы, уважаемый синьор, должно быть, не знаете, что нельзя рвать розы?

— Мне очень жаль... Я не подумал...

— Тогда с вас только половина штрафа, — объяснил стражник всё с той же приветливой улыбкой и стал выписывать квитанцию.

Джованнино заметил, что карандаш у него совсем тупой, и спросил:

— Простите, а можно взглянуть на вашу шпагу?

— Пожалуйста, — ответил тот и протянул её Джованнино.

Шпагу эту, казалось, не точили уже сто лет.

— Так что же это за страна такая? — удивился Джованнино. — Куда я попал?

— Это страна, где нет ничего острого, — объяснил стражник, причём так вежливо, что все его слова следовало бы писать с заглавной буквы.

— А как же гвозди? — спросил Джованнино. — Уж они-то должны быть острыми!

— Мы давно уже обходимся без гвоздей. Их отлично заменяет клей! А теперь, будьте добры, дайте мне две пощёчины.

От удивления Джованнино так широко открыл рот, словно сидел в кресле у... оториноларинголога.

Так называется врач, который лечит болезни уха, горла и носа, но дети обычно называют его куда проще — «ухогорлонос»!

— Что вы! — заговорил наконец Джованнино. — Я не хочу отправляться в тюрьму за избивание городского стражника. Уж если на то пошло, так это вы должны дать мне две пощёчины, а не я вам.

— Но у нас так принято, — дружелюбно объяснил стражник, — полный штраф — это четыре пощёчины, а половина штрафа — только две.

— Две пощёчины — стражнику?

— Стражнику.

— Но это ужасно несправедливо! Так нельзя!

— Конечно, несправедливо! Конечно, так нельзя! — согласился стражник. — Настолько ужасно и несправедливо, что люди, лишь бы не давать пощёчин ни в чём не повинным стражникам, просто не делают ничего такого, что запрещено и за что придётся платить штраф. Ну, так я жду — дайте мне две пощёчины! И в другой раз, синьор путешественник, вы, конечно, будете осторожнее, не так ли?

— Но я не хотел бы даже прикоснуться к вам, не то что ударить!

— В таком случае я вынужден проводить вас до границы и попросить удалиться из нашей страны!

И Джованнино, ужасно пристыженному, пришлось покинуть страну, где нет ничего острого.

Однако он всё ещё мечтает вернуться туда, чтобы жить по самым умным на свете законам среди самых воспитанных людей.

НЕЗАДАЧЛИВЫЙ ОХОТНИК

— Возьми-ка, Джузеппе, ружьё, — сказала однажды мама сыну, — и сходи на охоту. Завтра твоя сестра выходит замуж, и нужно приготовить праздничный обед. Очень подошла бы для такого случая зайчатина...

Джузеппе взял ружьё и отправился на охоту.

Только вышел на дорогу, видит — бежит заяц.

Выскочил косой из кустов и пустился в поле.

Вскинул Джузеппе ружьё, прицелился и спустил курок.

А ружьё и не подумало стрелять!

— Бах! — вдруг весело воскликнуло оно и... выбросило пулю на землю.

Джузеппе так и замер от удивления.

Подобрал пулю, повертел в руках — пуля как пуля!

Потом осмотрел ружьё — ружьё тоже как ружьё!

И всё-таки не выстрелило, как все нормальные ружья, а звонко и весело воскликнуло: «Бах!»

Джузеппе даже в дуло заглянул, да только разве может там кто-нибудь спрятаться?!

Никто там, конечно, и не прятался.

«Что же делать? Мама ждёт, что принесу с охоты зайца. У сестры свадьба, нужно приготовить праздничный обед...»

Едва подумал, как вдруг снова увидел зайца, вернее — зайчиху, потому что на голове у неё красовалась свадебная фата с цветами и шла она, скромно потупившись, мелко перебирая лапками.

— Вот это да! — удивился Джузеппе. — Зайчиха тоже выходит замуж! Придётся, видно, поискать фазана.

И он отправился дальше в лес.

Двух шагов не сделал, как увидел фазана.

Идёт спокойно по тропинке, нисколько никого не опасаясь, как в первый день охоты, когда фазаны ещё не знают, что такое ружьё.

Джузеппе прицелился, спустил курок... И оно опять произнесло человеческим голосом:

— Бабах! — совсем как мальчуган, когда играет со своим деревянным ружьём.

А пуля опять выпала из дула, на этот раз прямо на муравейник.

Перепугались муравьи и кинулись спасаться под сосну.

— Что же это получается! — огорчился Джузеппе. — Похоже, вернусь домой с пустыми руками!

А фазан, услышав, как весело разговаривает ружьё, поспешил в заросли и вывел оттуда своих фазанят.

Идут они цепочкой друг за другом, рады-радёшеньки, что отправились на прогулку.

А следом за ними и мама-фазаниха шествует — важная, довольная, будто первую премию получила.

— Ещё бы, — проворчал Джузеппе, — как ей не быть довольной! Она-то уже замужем. А мне что делать — на кого теперь охотиться?

Он снова старательно зарядил ружьё и огляделся.

Кругом ни души.

Только дрозд сидит на ветке.

Сидит и посвистывает, словно подзадоривает: «А ну-ка, попробуй подстрелить меня! Попробуй!»

Ну, Джузеппе и выстрелил.

Только ружьё и в этот раз не послушалось.

— Бах! — вскричало оно, совсем как ребята, когда играют в разбойников, и даже хихикнуло вдобавок.

Дрозд засвистел ещё веселее, словно поддразнивая: «Обманули дурака на четыре кулака!»

— Так я и знал! — вздохнул Джузеппе. — Видно, сегодня ружьё устроило забастовку.

— Ну, как поохотился? — спросила мама, когда Джузеппе вернулся домой. — Что принёс?

— Хорошо поохотился! — ответил он. — Три веселенькие насмешки принёс. Не знаю только, подойдут ли они к праздничному столу.

ДВОРЕЦ ИЗ МОРОЖЕНОГО

Однажды в Болонье на главной площади построили Дворец из мороженого.

И ребята сбежались туда со всех концов города — всем хотелось полакомиться.

Крыша Дворца была из цукатов, дым, что поднимался из труб, из взбитых сливок, а сами трубы — из фруктового сахара.

А всё остальное из мороженого: и двери, и стены, и мебель — всё из мороженого!

Один совсем маленький мальчик ухватился за ножку стола и принялся уплетать её.

На трёх ножках стол, конечно, не устоял и упал, а с ним вместе полетели на пол и вазочки с самым лучшим шоколадным мороженым...

Городской стражник заметил вдруг, что подтаивает окно. Его стёкла — из земляничного мороженого — потекли розовыми ручейками.

— Идите сюда! Быстрее! — позвал он ребят.
Они сбежались и стали лизать эти розовые ручей-
ки — чтобы ни одна капля не пропала из этого поисти-
не чудесного сооружения.

— Кресло! Дайте мне кресло! — взмолилась вдруг старушка, которая тоже пришла на площадь, но не могла протиснуться в толпе. — Дайте кресло бедной старушке! Помогите мне! Кресло, и если можно, с ручками!..

Один очень учтивый пожарный сбегал во дворец и вынес оттуда кресло из фисташкового мороженого.

Бедная старушка ужасно обрадовалась и начала уплетать его с ручек.

Да, как самый настоящий праздник запомнился всем этот большой день в Болонье!

По приказу докторов ни у кого не болели животики.

И до сих пор, когда ребята просят ещё одну порцию мороженого, родители вздыхают:

— Ах, дружок, тебе нужен, наверное, целый Дворец из мороженого, вроде того, что построили в Болонье. Вот тогда ты, может быть, будешь доволен!

КАК ГУЛЯЛ ОДИН РАССЕЯННЫЙ

— **М**ама, я пойду погулять?
— Иди, Джованни. Только смотри, не зевай по сторонам и будь осторожен, когда станешь переходить улицу.

— Ладно, мама. Пока!

— Ты всегда такой рассеянный...

— Да, мама. Пока!

И Джованни весело выбежал из дома.

Поначалу он был очень внимателен.

То и дело останавливался и ощупывал себя, проверяя:

— Ничего не потерял? Всё на месте? — весело смеялся и так радовался, что даже прыгал на радостях, словно воробушек.

А потом загляделся на витрины, на машины, на облака, и, понятное дело, начались неприятности.

Какой-то очень вежливый синьор мягко упрекнул его:

— Какой же ты рассеянный, мальчик! Смотри, все пальцы растерял!

— Ой, верно! Какой же я растеряха!

И Джованни стал искать свои пальцы.

Но вместо них нашёл пустую жестяную банку.

Пустую?

А ну-ка посмотрим!

Интересно, а что в ней прежде лежало, в этой банке?

Не всегда же она была пустая...

И уже позабыл, что нужно искать свои пальцы.

Потом забыл и про банку, потому что увидел хромую собаку.

Кинулся за ней, но не успел и до угла добежать, как потерял руку.

Потерял и даже не заметил.

Бежит себе дальше как ни в чём не бывало.

Какая-то добрая женщина крикнула ему вслед:

— Эй, Джованни! Джованни! Ты же руку потерял!

Куда там! Он даже не услышал!

— Ну, ничего, — решила добрая женщина. — Отнесу руку его маме. — И отправилась к ней.

— Синьора, я тут нашла руку вашего сына!

— Вот растеряха! Просто не знаю, что с ним делать! Такой рассеянный, такой рассеянный, дальше некуда!

— Да, конечно, только ничего не поделаешь — все дети такие!

Вскоре пришла другая добрая женщина:

— Синьора, я нашла тут чью-то ногу. Не вашего ли Джованни она?

— Ну конечно, его! Узнала по дырявому ботинку! Ах, какой же у меня рассеянный сын уродился! Просто не знаю, что с ним делать!

— И что вы хотите? Все дети такие!

Прошло ещё некоторое время, и один за другим в дом Джованни потянулись разные люди — старушка,

рассыльный, водитель трамвая и даже старая учительница-пенсионерка.

И каждый приносил какой-нибудь кусочек Джованни: кто ногу, кто ухо, кто нос.

— Ну, где ещё вы найдёте такого рассеянного мальчишку, как мой сын! — огорчилась мать.

— И что вы удивляетесь, синьора! Все дети такие!

Наконец, явился домой и сам Джованни — скачет на одной ноге. Без рук, без ушей, но, как всегда, весёлый, живой и резвый, словно воробушек.

Мама только головой покачала.

Потом привела его в порядок и поцеловала.

— Всё на месте, мама? Ничего не потерял? Видишь, какой я молодец!

— О да, Джованни, уж такой молодец, что дальше некуда!

ДВОРЕЦ, КОТОРЫЙ МОЖНО ЛОМАТЬ

Однажды жители города Бусто Арсицио не на шутку встревожились: уж слишком много стали ребята ломать и портить всяких вещей.

Обувь, штаны и школьные сумки — это само собой, об этом уж никто и не говорит.

Но ребята начали крушить стёкла в окнах, играя в футбол, бить за обедом тарелки, бросать на пол стаканы в школьной столовой.

Стены они не ломали только потому, что не попадался под руку молоток.

У родителей кончилось терпение, они не знали, что делать, и отправились за советом к мэру города.

— Давайте введём ещё один штраф! — обрадовался мэр.

— Нет уж, спасибо! — возразили родители. — Достаточно с нас и того, во что обходится битая посуда!

По счастью, в тех краях оказалось много бухгалтеров — каждый третий горожанин — бухгалтер, и притом превосходный знаток своего дела.

Но самым лучшим бухгалтером по праву считался старый синьор Гамберони.

У него было много внуков, и он по собственному опыту прекрасно знал, что получается, когда в доме перебита вся посуда.

Взял как-то синьор Гамберони бумагу и карандаш и подсчитал убытки, которые приносят ребята городу Бусто Арсицио, ломая и портя бесконечное множество хороших и нужных вещей.

Сумма получилась чудовищная — тысяча-перетысяча четырнадцать и тридцать три!

— Если взять только половину этих денег, — объяснил бухгалтер своим землякам, — то можно построить дворец специально для того, чтобы ребята ломали его, сколько им вздумается. Пусть хоть до основания снесут! И если даже это не излечит их от неукротимого желания всё ломать и портить, значит, ничто больше нам не поможет.

Предложение бухгалтера Гамберони понравилось, и Дворец, который можно ломать, возвели за «четыре плюс четыре на восемь и два на десять часов» — семь этажей и девяносто девять комнат.

И каждая комната Дворца оказалась прямо-таки забита всевозможной мебелью, а в шкафах и на столах громоздилась разная посуда, не говоря уже о всяких безделушках.

Нашлось во Дворце, конечно, и вполне достаточное количество зеркал и водопроводных кранов — тоже, разумеется, чтобы бить их и портить.

В день открытия Дворца, который можно ломать, к нему собрались ребята со всего города.

Каждому вручили по молотку.

Мэр подал знак, и все двери Дворца распахнулись.

Жаль, что телевидение не догадалось показать это зрелище!

Те, кто видел его своими глазами и слышал своими ушами, уверяют, что можно было подумать — но даже подумать об этом страшно! — будто началась третья мировая война.

Толпа ребят, словно армия воинственных завоевателей, ринулась в здание, сметая на своём пути всё.

Дети заполнили все помещения Дворца, все комнаты.

Грохот от их молотков стоял такой, что его слышали по всей северной Италии и, говорят, даже в Швейцарии.

Детишки, которые только-только научились ходить, усердно топтали осколки кофейных сервизов, превращая их в тонкую фарфоровую пыль, а затем пудрились ею.

А ребята, что ходят в детский садик, такие славные и милые в своих розовых и голубых передничках, окружили огромные, словно эсминцы, шкафы и так усердно долбили их молоточками, что в конце концов превращали в кучу щепок.

К концу первого дня во дворце не осталось ни единого целого стакана.

К концу второго дня уже ощущался недостаток стульев.

А на третий день ребята принялись за стены.

Начали с верхнего этажа и, когда разрушили дворец наполовину, почувствовали наконец, что ужасно устали.

Тогда они побросали свои молотки и, покрытые пылью, словно солдаты Наполеона в песках Египта, разбрелись по домам и, не ужиная, легли спать.

Наконец-то они отвели душу — теперь им уже больше ничего не хотелось ломать!

Все вдруг стали такими аккуратными, такими прилежными и не ходили, а прямо порхали, словно бабочки.

И если бы их заставили играть на футбольном поле, уставленном хрустальными стаканами, то, уж поверьте мне, не разбили бы ни одного!

Бухгалтер Гамберони снова произвёл кое-какие расчёты и выяснил, что город Бусто Арсицио сэкономил два сверхмиллиона с какой-то мелочью.

А развалины дворца — осталось ещё почти четыре этажа — городской совет отдал в распоряжение взрослых.

— Можете делать с ними что угодно! — предложил мэр.

И тогда ко Дворцу, который можно ломать, устремились разные худощавые синьоры с кожаными портфелями под мышкой, бифокальными очками на носу и молотками в руках — всякие чиновники, нотариусы, служащие.

Каждый ломал что-нибудь во Дворце, к примеру, одну-две стены либо лестницу, и облегчённо вздыхал:

— Ах, как хорошо! Гораздо лучше, чем ссориться с женой из-за разбитой чашки!

Взрослые разрушали Дворец, который можно ломать, с таким удовольствием, что просто молодели на глазах.

Как выяснилось, это намного лучше, чем ронять пельницы или тарелки из парадного сервиза, подаренного тётушкой Мириной!..

Словом, все отвели душу в этом дворце.

А старому бухгалтеру Гамберони город Бусто Арсицио вручил в знак благодарности медаль с серебряной дыркой.

ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ СЧИТАЛА «АПЧХИ!»

В Гавирате жила одна женщина, которая целыми днями только и делала, что считала, кто сколько раз чихнёт, а потом рассказывала своим приятельницам, и они вместе долго судачили про эти «Апчхи!».

— Аптекарь чихнул семь раз подряд! — сообщала женщина.

— Не может быть!

— Клянусь вам! И пусть у меня отвалится нос, если говорю неправду! В седьмой раз он чихнул ровно за пять минут до того, как пробило полдень!

Они долго обсуждали это событие и, наконец, пришли к выводу, что аптекарь подливает воду в касторку.

— А вот священник чихнул четырнадцать раз! — продолжала женщина, раскрасневшись от волнения.

— Ты не ошиблась?

— Пусть у меня ухо отвалится, если он чихнул хоть разом меньше!

— Боже, что станет с миром, если и дальше так пойдёт!

Они ещё долго судачили и пришли к выводу, что священник наливает слишком много оливкового масла себе в салат.

Однажды женщина, которая считала «Апчхи!», и её приятельницы (а их оказалось больше, чем дней в неделе) притаились под окном синьора Делио, чтобы понаблюдать за ним.

Только синьор Делио и не думал чихать — он не нюхал табака и не болел.

— Ни разу не чихнул! — огорчилась женщина, которая считала «Апчхи!». — Должно быть, тут-то и зарыта собака!

— Конечно! — согласились приятельницы.

Синьор Делио услышал этот разговор, и он ему очень не понравился.

Он взял молотого перца и осыпал им сплетниц, что притаились у него под окном.

— Апчи! — тотчас чихнула женщина, которая считала «Апчи!».

— Апчи! Апчи! — стали чихать её приятельницы и никак не могли остановиться.

— Я дольше вас чихала! — вдруг заявила женщина, которая считала «Апчи!».

— Нет, это мы дольше чихали! — вскричали приятельницы.

И принялись тузить одна другую.

Они порвали друг дружке платья, и у каждой оказалось по выбитому зубу.

С тех пор женщина, которая считала «Апчи!», перестала знаясь со своими приятельницами.

Она купила себе записную книжку с карандашом, стала ходить по городу одна-одинёшенька и каждое услышанное «Апчи!» отмечала плюсиком.

Когда она умерла, люди нашли её записную книжку, заполненную плюсиками.

— Смотрите-ка, — удивились они, — эта женщина, должно быть, отмечала так свои добрые дела! Как же много добра она сделала людям! Ну, уж если она не попадёт в рай, то нас туда и подавно не пустят!

ВОЛШЕБНАЯ ПРИСТАВКА

Да, Джованнино по прозвищу Бездельник слыл заядлым путешественником.

Путешествовал он, путешествовал и оказался ещё в одной удивительной стране, где все слова начинаются с приставки «не».

— Что же это за страна такая? — поинтересовался он у горожанина, отдыхавшего в тени под деревом.

Тот вместо ответа достал из кармана перочинный ножик и протянул его на ладони Джованнино.

— Видишь?

— Вижу. Ножик.

— Ничего подобного! Это *нено-жик*, то есть ножик с приставкой «не». Он служит для того, чтобы огрызки карандашей превращать в новые карандаши. Очень полезная вещь для школьников.

— Великолечно! — восхитился Джованнино. — А ещё что у вас есть?

— А ещё есть *невешалка*.

— То есть вы хотите сказать — вешалка?

— Нет, именно то, что сказал, — *невешалка*. От вешалки мало проку, если на неё нечего вешать. А вот с нашей *невешалкой* совсем другое дело. На неё ничего вешать не надо, потому что уже всё повешено. Нужно тебе пальто, иди и сними! А если кому-нибудь нужна куртка,

то незачем ходить за ней в магазин. Достаточно подойти к *невешалке* и снять её. У нас есть *невешалки* летние и *невешалки* зимние, *невешалки* для мужчин и отдельно — для женщин. Это сберегает нам много денег.

— Прекрасно! А что ещё есть?

— А ещё у нас есть *нефотоаппарат*, который вместо обычных снимков делает карикатуры, и всем весело! Ещё у нас есть *непушка*.

— Уф! Как страшно!

— Ничуть! *Непушка* — это совсем не то, что пушка. Она позволяет немедленно прекратить войну.

— А как же она действует?
— Очень просто! Даже ребёнок может управлять ею. Если вдруг начинается война, мы сразу трубим в *нетрубу*, стреляем из *непушек*, и она тотчас прекращается.

Какая прелесть эта страна, где все слова начинаются с волшебной приставки «не»!

СТРАНА, ГДЕ ВСЕ ЛЮДИ СДЕЛАНЫ ИЗ МАСЛА

Однажды великий путешественник и знаменитый землепроходец Джованнино по прозвищу Бездельник оказался в стране, где все люди сделаны из масла.

На солнце они таяли, и потому им всё время требовалась прохлада.

Вот и жили они в городе, где вместо домов стояли огромные холодильники.

Джованнино бродил по улицам этого странного города и видел, что жители сидят в своих домах-холодильниках у окон и держат на голове пузырь со льдом.

На дверце каждого такого дома висел домофон, чтобы говорить с его обитателями.

— Алло! — сказал Джованнино, сняв трубку у одного из холодильников.

— Алло! — ответили ему.

— Кто говорит? — поинтересовался Джованнино.

— Король страны, где все люди сделаны из масла. Сам же я сбит из сливок высшего сорта, снятых с молока лучших швейцарских коров. Вы обратили внимание на мой холодильник?

— Нет, а что? Ах, вот в чём дело! Он из чистого золота!.. А вы... так и не выходите никогда из него?

— Отчего же, иногда выхожу. Зимой. В сильный мороз. И катаюсь в ледяном автомобиле.

— А вдруг, пока ваше величество гуляет, выглянет солнце? Что тогда?

— Не может оно выглянуть! Это запрещено! Я тотчас прикажу моим солдатам отправить его в тюрьму!

— Какой ужас! Думаю, вас самого нужно посадить в тюрьму! — рассердился Джованнино, бросил трубку и отправился путешествовать в другую страну.

ПРО АЛИСУ, С КОТОРОЙ ВСЕГДА ЧТО-НИБУДЬ СЛУЧАЛОСЬ

Эта сказка про Алису, с которой всегда что-нибудь случалось.

Зовёт её, к примеру, дедушка погулять в саду:

— Алиса! Где ты, Алиса?

— Я здесь, дедушка!

— А где здесь-то?

— В будильнике.

Ну да, она правду сказала.

А случилось вот что.

Открыла Алиса окошечко, что на задней стороне будильника, — уж очень захотелось заглянуть туда. И глазом не успела моргнуть, как тут же оказалась внутри, прямо в самом механизме часов — среди пружинок и зубчатых колёсиков.

А они ведь движутся, не стоят на месте.

Пришлось и Алисе всё время прыгать с зубца на зубец, чтобы не пропасть, не погибнуть под колёсиками, которые, ни на секунду не умолкая, крутились, приговаривая: «Тик-так! Тик-так! Тик-так!»

А в другой раз дедушка звал Алису завтракать:

— Алиса! Где ты, Алиса?

— Я здесь, дедушка!

— Да где здесь-то?

— Ой, ну совсем рядом! В бутылке!

— Как же ты попала туда?

— Захотелось пить, я и заглянула в горлышко...

Ну конечно, она провалилась в бутылку!

И теперь барахталась там, чтобы не утонуть.

Хорошо ещё, что прошлым летом в Сперлонге научилась плавать брассом.

— Ну, потерпи немного. Сейчас вытащу тебя,— сказал дедушка.

Он затолкал в бутылку верёвочку.

Алиса ухватилась за неё, ловко подтянулась и выбралась наружу.

Вот когда она поняла, как хорошо, что занималась гимнастикой.

А однажды Алиса совсем пропала.

Искал её дедушка, искала бабушка, искала соседка, которая всегда приходила читать дедушке газету, чтобы не покупать самой и сэкономить на этом сорок лир.

— Боже! Вот беда-то какая! — шептала перепуганная бабушка. — Что скажут родители, когда узнают, что она потерялась!

— Алиса! Алиса! Где ты, Алиса?

Только на этот раз девочка не откликнулась.

Потому что не могла отозваться.

Путешествуя по кухне и заглядывая всюду, куда только удавалось сунуть свой любопытный нос, она попала в ящик, где лежали скатерти и салфетки.

Попала туда, да и заснула там, как на мягкой постели.

Кто-то задвинул ящик, не заметив Алису.

И в самом деле, кому придёт в голову, что она там?

Когда же девочка проснулась, то оказалась в полной темноте.

Но она нисколько не испугалась.

Однажды ей уже довелось побывать в таком положении — когда попала в водопроводный кран.

Вот там действительно было темно, пожалуй, ещё темнее, чем в ящике комода.

«Скоро, наверное, будут накрывать на стол к ужину, — подумала Алиса. — Тогда и откроют ящик, чтобы достать скатерть».

Но разве кто-нибудь мог думать о еде, когда Алиса пропала?

Конечно, всем было не до ужина.

Вскоре пришли с работы родители девочки и очень рассердились на дедушку и бабушку:

— Так-то вы смотрите за ребёнком!

— Но наши дети не забирались в водопроводные краны, — возразили бабушка и дедушка. — В наше время они только падали иногда с кровати и если получали при этом лишнюю шишку, то это не так уж страшно.

Наконец Алисе надоело ждать, пока кто-нибудь догадается открыть ящик.

Она разгребла скатерти и салфетки, добралась до самого дна и принялась громко топать:

— Тук! Тук! Тук!

— Тише! — сказал папа. — По-моему, где-то стучат.

— Тук! Тук! Тук! — продолжала топать Алиса.

Как же все обнимали и целовали её, когда нашли наконец!

И Алиса не растерялась — воспользовалась случаем и тут же забралась в карман папиного пиджака.

А когда её вытащили и оттуда, то оказалось, она успела перепачкаться чернильной пастой, потому что поиграла с папиной шариковой ручкой.

ШОКОЛАДНАЯ ДОРОГА

Жили-были в Барлетте три маленьких мальчика —
трое братишек.

Гуляли они однажды за городом и набрали неожиданно на какую-то странную дорогу — очень ровную, очень гладкую и какого-то очень тёмного коричневого цвета.

— Из чего, интересно, сделана эта дорога? — удивился старший брат.

— Не знаю из чего, но только не из досок, — заметил средний брат.

— И на асфальт не похоже, — добавил младший.

Гадали они, гадали, а потом опустились на коленки, чтобы рассмотреть получше и понять, из чего же она сделана.

И оказалось, что дорога выложена... плитками шоколада!

Тут братья, разумеется, не растерялись — тотчас принялись лакомиться. Кусочек за кусочком — не заметили, как и вечер наступил.

А они всё уплетают шоколад.

Так и съели всю дорогу! Ничего от неё не осталось.

Словно и не было вовсе ни дороги, ни шоколада.

— Где же мы теперь оказались? — удивился старший брат.

— Не знаю где, но только не в Бари! — ответил средний брат.

— И конечно, не в Моlette, — добавил младший.

Растерялись братья — не знают, что и делать, куда идти. По счастью, повстречался им крестьянин, возвращавшийся с поля на телеге.

— Давайте отвезу вас домой, — предложил он.

И отвёз братьев в Барлетту, прямо к самому дому.

Стали братья вылезать из телеги и увидели, что она, оказывается, сделана из чудесного бисквитного печенья!

Обрадовались и, недолго думая, принялись уплетать телегу за обе щеки.

Ничего не осталось от неё — ни колёс, ни оглобель.

Всё съели!

Вот как повезло однажды трём маленьким братьям из Барлетты. Никогда прежде никому так не везло, и кто знает, повезёт ли ещё когда-нибудь.

КАК ПРИДУМЫВАЮТ ЧИСЛА

— Давай придумывать числа?!
— Давай! Чур, я первый! Почти-один, почти-два, почти-три, почти-четыре, почти-пять, почти-шесть...

— Это слишком маленькие числа! Вот послушай, какие придумал я! Один сверхмиллион биллионов! Одна восьмища миллионищ! Один удиви-удивятище и один изумилище!

— Подумаешь! А я могу целую таблицу умножения придумать! Вот смотри!

Трижды один — самый нужный витамин!

Трижды два — ужасно вкусная халва!

Трижды три — оглянись и посмотри!

Трижды четыре — ученик умнейший в мире!

Трижды пять — ах, ошибся я опять!

Трижды шесть — так и хочется кого-нибудь съесть!

Трижды семь — испугался я совсем!

Трижды восемь — милости просим!
Трижды девять — не хочу я это делать!
Трижды десять — хорошо бы kota взвесить!
— Скажи-ка мне быстро, сколько стоит эта морковка?
— Дважды «надеру-уши»!
— А сколько отсюда до Милана?
— Тысяча километров новых, один километр совсем уже дряхлый и семь шоколадок!
— Сколько весит слеза?
— А это по-разному. У капризного мальчика она легче самого лёгкого ветерка. У голодного мальчика — тяжелее всей Земли!
— Очень длинная получилась сказка?
— Слишком!
— Давай напоследок придумаем ещё несколько чисел. Знаешь, как считают в Модене? Раз-и-раз, двас-и-двас, трижды-трижки, четыре коврижки и три чудесные книжки!
— А я посчитаю как в Риме. Разик, двазик, третий тазик, а четвёртый — безобразик...

БРИФ! БРУФ! БРАФ!

Двое ребятишек мирно играли у себя во дворе. Они придумывали особый язык, чтобы разговаривать только друг с другом и чтобы никто больше не понимал их.

— Бриф, бруф! — сказал первый мальчик.

— Бруф, браф! — ответил другой.

И они весело рассмеялись.

На балконе второго этажа сидел старый добрый синьор и читал газету.

А в доме напротив выглядывала в окно старая синьора.

Синьора так себе: ни добрая, ни злая.

— До чего же глупые эти ребята! — воскликнула она.

Однако добрый синьор не согласился с нею.

— Нет, я так не считаю! — возразил он.

— Не станете же вы утверждать, будто поняли, что они говорят?! — удивилась синьора.

— Отлично понял! Первый мальчик сказал: «Какой сегодня чудесный день!», а другой ответил: «Завтра будет ещё лучше!»

Синьора поморщилась, но промолчала, потому что в это время ребята снова заговорили на своём языке.

— Мараски, барабаски, пимпири-пески! — сказал первый мальчик.

— Бруф! — ответил другой.

И они опять рассмеялись.

— И теперь тоже станете уверять, будто поняли их? — рассердилась старая синьора.

— Конечно! — улыбнулся старый добрый синьор. — Первый сказал: «Как хорошо, что мы живём на свете!», а второй ответил: «Да, мир так прекрасен!»

— Неужели он и в самом деле так прекрасен? — удивилась старая синьора.

— Бриф! Бруф! Браф! — ответил ей добрый синьор.

КАК ОДИН ЧЕЛОВЕК КУПИЛ ГОРОД СТОКГОЛЬМ

Кто угодно бывает на базаре в Гавирате. И уж конечно, встречаются там всякие пройдохи, которые торгуют чем придётся и как попало.

А однажды в базарный день появился там человек, который продавал какие-то уж совсем необычные вещи: гору Монблан в Альпах, Индийский океан, Лунные моря и множество другого, очень интересного, что можно найти на географической карте.

Язык у этого человека оказался так хорошо подвешен, что уже через час он всё распродал, и остался у него только один город — Стокгольм.

Город этот купил парикмахер. Вместо платы он побрил торговца и освежил одеколоном.

А затем повесил на самом видном месте между зеркалами большое удостоверение о том, что он — владелец города Стокгольм.

Парикмахер с гордостью показывал этот документ всем своим клиентам и с удовольствием отвечал на их расспросы:

— Это город в Швеции, и не просто какой-нибудь провинциальный городишко, а столица! Там живёт почти миллион человек! И все, разумеется, принадлежат мне. Там ещё и море есть, понятно, но я пока не знаком с его владельцем...

Мало-помалу парикмахер скопил денег на дорогу и, спустя год, отправился в Швецию — надо же, наконец, посмотреть на свои владения.

Стокгольм очень понравился ему.

Он нашёл, что это прекрасный город, а шведы — милейший народ.

Только вот беда: они ни слова не понимали из того, что он говорил им, и он тоже ни полслова не понимал из того, что слышал в ответ.

— Знаете ли, кто владелец вашего города? Вам сообщили, что это я?

Шведы улыбались и кивали головами, как бы отвечая — да.

Ведь они не понимали его, но были людьми вежливыми и воспитанными.

И парикмахер потирал руки от удовольствия:

— Такой город! Подумать только, как дёшево я заплатил за него — всего-навсего стрижкой с одеколоном отделался!

И всё же он ошибался, этот парикмахер.

Он слишком много заплатил за него, можно даже сказать — переплатил!

Ему невдомёк было, что каждому ребёнку, который появляется на свет, принадлежит весь мир, и ничего платить за него не нужно — ни единого сольдо!

А нужно только засучить рукава, хорошо поработать, и всё на свете окажется в ваших руках.

КАК ПОТРОГАТЬ КОРОЛЯ ЗА НОС

Однажды Джованнино по прозвищу Бездельник решил отправиться в Рим и потрогать там короля за нос.

Друзья отговаривали его:

— Смотри, опасное это дело! Рассердится король — и расстанешься ты со своим собственным носом, а заодно и с головой!

Но Джованнино оказался упрямым человеком.

Собираясь в путь, он решил, что для начала хорошо бы набраться опыта и для этого нужно потрогать за нос священника, мэра и полицейского.

И он сделал это так ловко и осмотрительно, что те даже не заметили.

— Не так уж это и трудно! — обрадовался Джованнино и отправился в путь.

Приехал он в соседний город, узнал, где живут мэр, прокурор и судья, явился к этим важным господам с визитом и их тоже потрогал за нос — кого одним пальцем, а кого и двумя.

Важным господам это не очень понравилось, ведь поначалу Джованнино казался таким воспитанным человеком, к тому же умел разговаривать почти про всё что угодно.

Мэр посердился про себя немного, а потом всё-таки полюбопытствовал:

— А с какой это стати вы трогаете мой нос?

— Что вы, господин мэр! — воскликнул Джованнино. — Вам, наверное, показалось. Это муха пролетала мимо и задела вас!

Мэр осмотрелся, не увидел ни мухи, ни комара, но Джованнино уже успел откланяться и удалиться, не забыв затворить за собой дверь.

Со временем он даже тетрадку завёл, чтобы вести счёт всем носам, какие удастся потрогать.

Ведь все такие важные!

В Риме, однако, число встречавшихся носов росло так быстро, что Джованнино пришлось купить другую тетрадку — потолще.

Стоило пройти немного по любой улице, как непременно попадалась ему навстречу пара каких-нибудь сиятельств, несколько бывших министров и десятков-другой генералов.

О разных там президентах и председателях и говорить не приходится — в Риме их насчитывалось больше, чем нищих.

И все эти сиятельные носы оказались, как говорится, прямо под рукой.

Когда Джованнино трогал их, все принимали его жест за особый знак уважения.

А один большой начальник даже порекомендовал своим подчинённым узаконить новый обычай, советуя поступать так же.

— Отныне и впредь вместо поклона можете трогать меня за нос! — заявил он. — Это более современный и утончённый способ выразить человеку своё уважение.

Поначалу подчинённые с опаской протягивали руки к носам своих начальников, но те широко улыбались и подбадривали их.

И тогда началось — все стали трогать, щупать, щипать и даже дёргать своих начальников за нос. От этого высокопоставленные носы краснели и блестели от удовольствия.

Джованнино не забыл, однако, ради чего приехал в Рим, — он ведь хотел потрогать за нос короля.

И теперь только ждал удобного случая.

Случай такой представился в день королевского выезда.

Джованнино заметил, что время от времени кто-нибудь из толпы вскакивал на подножку королевской кареты и вручал королю конверт, конечно, с каким-нибудь прошением.

И король, улыбаясь, передавал конверт первому министру.

Когда карета поравнялась с Джованнино, он тоже вскочил на подножку и, пока король милостиво улыбался ему, произнёс:

— С вашего позволения! — Протянул руку и указательным пальцем коснулся кончика королевского носа.

От изумления король невольно сам потрогал свой нос и открыл было рот, желая что-то сказать, но Джованнино уже спрыгнул с подножки и юркнул в толпу.

Кругом раздались громкие аплодисменты, и тотчас все с восторгом последовали примеру Джованнино: один за другим люди вскакивали на подножку кареты и не просто трогали короля за нос, а с удовольствием дёргали его.

— Не беспокойтесь, ваше величество! Это новый знак внимания! — шепнул королю первый министр, фальшиво улыбаясь.

Но королю было уже совсем не до улыбок.

От такого «внимания» нос у него распух, заболел, и даже насморк начался.

Король не успевал прикладывать к носу платок, потому что верноподданные не давали ему ни минуты покоя и, смеясь, продолжали весело дёргать за нос.

Словом, теперь король уже мечтал только об одном — как бы остаться с носом!

А Джованнино, довольный-предовольный, вернулся в родное село.

НЕБЫВАЛЫЙ ДОЖДЬ В ПЬОМБИНО

Однажды в Пьомбино дождём посыпались с неба конфеты.

Конфеты падали крупные, словно градины. И не белые, а разноцветные — красные, зелёные, голубые, фиолетовые.

Один мальчик взял в рот зелёную конфету — просто так, желая попробовать, и обнаружил, что она мятная.

А другой мальчик попробовал красную, и оказалось, что она земляничная.

— Да это же конфеты! Самые настоящие конфеты! — обрадовались ребята и бросились набивать ими карманы.

Но сколько ни собирали, конфет меньше не становилось — они по-прежнему дождём сыпались с неба.

Небывалый дождь этот шёл недолго, и всё же улицы в городе сплошь, будто ковром, покрылись ароматными конфетами, которые хрустели под ногами, как льдинки.

Ребята, что возвращались из школы, тоже успели наполнить сладостями свои портфели.

И старушки конфет набрали — понесли домой целые узелки.

Великолепный получился праздник! До сих пор многие ждут, когда же с неба опять посыплются конфеты.

Но туча, из которой они пролились дождём, больше не появлялась ни над Пьомбино, ни над Турином и, наверное, никогда не пройдёт даже над Кремоной.

КАРУСЕЛЬ В ЧЕЗЕНАТИКО

Однажды в Чезенатико появилась на берегу моря карусель — шесть деревянных лошадок и столько же красных, довольно облезлых автомобильчиков — для ребят с более современными предпочтениями.

Карусель вручную раскручивал угрюмый, худой человек, похоже, из тех, кто день ест, а два — нет.

Словом, не бог весть какая это была карусель, но ребятам она, должно быть, казалась мёдом намазанной, потому что они так и тянулись к ней, упрашивая родителей покатать их.

— Да что она в самом деле, что ли, мёдом намазана? — удивлялись мамы и предлагали: — Пойдём лучше в дельфинарий! Или в кафе, где есть кресла-качалки!

Но где там! Ребятам подавай карусель, да и только!

Как-то вечером один пожилой синьор посадил своего внука в красный автомобиль, а сам тоже поднялся на карусель и оседлал деревянную лошадку.

Сидеть, правда, было неудобно — ноги слишком длинные, и синьор рассмеялся.

Но едва только угрюмый, худой человек запустил карусель...

Что за чудеса?

Пожилой синьор в одно мгновение взлетел выше самого высокого небоскрёба в Чезенатико, и его лошадка поскакала по воздуху прямо к облакам.

Синьор взглянул вниз и увидел сразу всю Романию — провинцию, где находился городок Чезенатико, затем всю Италию, а потом и всю Землю, которая удалялась куда-то под цокот копыт его лошадки.

Скоро Земля стала походить на маленькую голубую карусель, которая кружилась и кружилась, показывая один за другим свои материки и океаны, словно нарисованные на глобусе.

— Куда же мы едем? — удивился синьор, как вдруг увидел своего внука. Тот сидел теперь не за рулём красного, довольно облезлого автомобильчика, а в кабине космического корабля.

Затем синьор рассмотрел и остальных ребят.

Они спокойно и уверенно правили — кто рулём, а кто вожжами.

И все мчались по своим орбитам, словно искусственные спутники.

А человек, который раскручивал карусель, оказался уже ух как далеко!

Но снизу ещё доносилась заигранная популярная песенка, под которую крутилась карусель.

«Тут, пожалуй, не без колдовства! — решил старый синьор. — Этот человек, наверное, волшебник! — А потом подумал: — Если облетим вокруг Земли, пока звучит эта песенка, то, пожалуй, побьём рекорд Гагарина...»

А небесный караван тем временем пролетал над Тихим океаном со всеми его островами, а потом над Австралией со скачущими кенгуру, над Южным полюсом, где миллионы пингвинов стояли, задрав кверху головы.

Сосчитать их не удалось, потому что вскоре на их месте появились американские индейцы, сигналившие дымом костров, затем небоскрёбы Нью-Йорка, а потом ещё один небоскрёб — в Чезенатико.

Музыка умолкла. Старый синьор в изумлении огляделся: он по-прежнему сидел на выдавшей виды тихой карусели, в родном городке, на берегу Адриатического моря.

Угрюмый, худой человек медленно и плавно, без резких толчков, остановил карусель.

Пожилой синьор, пошатываясь, сошёл на землю.

— Скажите... — обратился он к хмурому человеку.

Но тому некогда было разговаривать.

Другие ребята уже разместились в карусели, и её вновь нужно было отправить в кругосветное путешествие.

— Скажите...— снова смущённо заговорил старый синьор.

Угрюмый человек даже не взглянул на него.

Он снова запускал карусель.

И вот опять замелькали весёлые лица ребят, которые искали глазами своих улыбающихся мам и пап, стоявших вокруг карусели.

«Волшебник он или не волшебник, этот полунищий человек? А эта смешная машина, что крутится под звуки заигранной пластинки, волшебная карусель? Ладно, — решил пожилой синьор, — лучше не стану никому говорить про это космическое путешествие. Ещё посмеются надо мной, скажут: «Разве не знаете, что в вашем возрасте опасно кататься на карусели — может закружиться голова?!»

НА ПЛЯЖЕ В ОСТИИ

Недалеко от Рима на берегу Тирренского моря — это одно из средиземноморских морей — находится небольшой городок Остия, и летом римляне ездят сюда купаться и загорать.

Народу приезжает так много, что на пляже даже детской лопаткой песок не копнуть. И тому, кто приходит позже всех, просто негде расположиться.

Однажды появился тут какой-то очень странный синьор, очевидно, большой выдумщик, и, конечно, не нашёл свободного места, чтобы поставить свой пляжный зонт.

Тогда он раскрыл его, покрутил немного ручку, и вдруг зонт сам собой поднялся в воздух и пролетел над сотнями других зонтов, стоявших на песке, к самому берегу, но не опустился на землю — опуститься было некуда, — а повис в воздухе метрах в двух или трёх над землёй.

Странный синьор разложил свой шезлонг в тени зонта, достал из кармана книгу и стал читать, наслаждаясь солнцем и целебным морским воздухом.

Поначалу никто даже не заметил его.

Все спокойно сидели в шезлонгах под своими зон-
тами.

Одни пытались разглядеть хотя бы краешек моря из-
за торчащих впереди голов.

Другие решали кроссворды, а третьи просто дремали,
ни о чём не думая.

На небо никто и не смотрел.

Но вдруг что-то упало на зонт одной синьоры.

Она подумала, что это мяч, и подня-
лась, собираясь отругать расшалившихся
ребят.

Оглянувшись по сторонам, но не
нашла озорников, а, взглянув на-
верх, увидела синьора, сидевшего
в своём шезлонге прямо у неё над
головой.

— Простите, я уронил книгу. Будьте добры, бросьте мне её, сюда, пожалуйста! — попросил синьор.

От удивления синьора так и села в песок, а от испуга даже слова вымолвить не смогла и только показывала пальцем на висящий в воздухе зонт.

К ней подбежали родственники, помогли подняться.

— Будьте добры, — повторил синьор как ни в чём не бывало, — бросьте мне, пожалуйста, сюда мою книгу.

— Разве не видите, как испугали нашу тётушку? — услышал он в ответ.

— Мне очень жаль, но я не нарочно!

— И вообще спускайтесь оттуда! Висеть в воздухе запрещено!

— Ничего подобного! Я расположился здесь, потому что на пляже нет места. А я ведь тоже заплатил деньги за вход!

Теперь странного синьора увидели уже все отдохавшие на берегу, все стали показывать на него пальцем и громко смеяться.

— Нет, вы только посмотрите, — говорили люди, — наверняка этот зонт у него с ракетным двигателем!

— Синьор Гагарин! — кричали другие. — А нас не прихватите к себе?!

Какой-то мальчик бросил синьору его книгу, и тот, открыв нужную страницу, снова углубился в чтение.

Постепенно все успокоились и перестали обращать на него внимание.

Только ребята то и дело с завистью посматривали вверх.

А самые смелые кричали:

— Синьор, а синьор!

— Ну, что вам?

— Научите и нас летать!

Но синьор бурчал в ответ что-то непонятное и снова принимался за свою книгу.

Вечером зонт с лёгким свистом тронулся с места и пролетел над всем пляжем.

Странный синьор приземлился на дороге возле своего мотоцикла, сел на него и уехал.

И никто так и не узнал, кто он такой и где ему удалось купить такой необыкновенный зонт.

ПРО МЫШОНКА ИЗ КНИЖОНКИ

Этот мышонкок всю свою жизнь прожил в тоненькой дешёвенькой книжонке — знаете, из тех, где больше картинок, чем слов, да и те какие-то... ненастоящие.

Надоело мышонку жить в этой книжонке, и решил он поменять квартиру — найти другую, где бумага получше на вкус и хотя бы пахнет сыром.

Собрал он все свои силёнки и как прыгнет!..

И оказался вдруг в настоящем мире, среди настоящих живых мышей.

— Скуаш! — сразу же испугался он, почуяв запах кошки.

— Что он сказал? — удивились мыши, услышав столь непонятный язык.

— Сплум, бум, плюм! — воскликнул мышонкок, который умел говорить только на том нелепом языке, на каком делают подписи к рисункам в комиксах.

— Наверное, это иностранец! — заметила старая корабельная мышь, которая до ухода на пенсию служила

на Средиземном море, и попробовала заговорить с ним по-английски.

Но мышонок посмотрел на неё, ничего не понимая, и ответил:

— Циип, фниш, броик.

— Нет, это не англичанин, — заключила корабельная мышь.

— Тогда кто же?

— Пойди разбери кто!

Так и прозвали мышонка — Пойди-Разбери — и относились к нему как к деревенскому дурачку.

— Пойди-Разбери, — спрашивали его, — какой сыр больше любишь — российский или пошехонский?

— Сплинг, гринг, цицицаир, — отвечал мышонок из книжонки.

— Спокойной ночи! — смеялись мыши.

А самые маленькие мышата вдобавок дёргали его за хвост — им хотелось послушать, как смешно он будет сердиться:

— Цоонг, сплаш, скуарр!

Однажды мыши отправились на мельницу, где лежало много мешков с пшеницей и кукурузой.

Они прогрызли мешки и принялись лакомиться.

Только и слышно было, как дружно они щёлкают зубами:

— Крак, крак, крак!

Впрочем, так делают все мыши на свете.

Только мышонок из книжонки
щёлкал зубами совсем по-другому:

— Крек, скрек, скерекек.

— Научись хотя бы есть как по-
рядочные люди, — проворчала ста-
рая корабельная мышь. — Будь ты
на корабле, за такое тебя давно бы
уже выбросили за борт. Неужели не
понимаешь, что неприятно слушать
твоё чавканье?

— Кренг, — ответил мышонок
из книжонки и поглубже забрался
в мешок с кукурузой.

Корабельная мышь подала остальным мышам знак, и все тихо-тихо удалились, бросив «иностранца» на произвол судьбы, уверенные, что он не найдёт дороги домой.

Мышонок как ни в чём не бывало продолжал ужин.

А когда заметил наконец, что остался один, то было уже слишком темно, чтобы куда-либо возвращаться.

И он решил провести ночь на мельнице.

Он уже и задремал было, как вдруг в темноте вспыхнули два жёлтых фонаря и послышались осторожные шаги четвероногого охотника.

Это оказался кот!

— Скуаш! — в ужасе воскликнул мышонок.

— Граграньяу! — ответил кот.

Он, оказывается, тоже явился из книжонки!

И настоящие коты прогнали его, потому что он не умел правильно произносить «Мяу».

Изгнанники обнялись, поклялись в вечной дружбе и всю ночь провели в разговорах на своём странном книжном языке.

Они прекрасно понимали друг друга!

ИСТОРИЯ КОРОЛЕВСТВА ОБЖОРИЯ

В далёком древнем королевстве Обжория, что лежит на востоке от герцогства Пей-до-дна, первым королём был когда-то Обжорий Железный Желудок.

Прозвали его так за то, что, уплетая макароны, он с хрустом сгрызал и тарелку, на которой их подавали, и отлично переваривал всё.

Первого Обжория сменил на троне Обжорий Второй по прозвищу Три Ложки, потому что он ел суп сразу тремя серебряными ложками — две держал сам, а третью ему подносила ко рту королева, и горе ей, если ложка оказывалась неполной.

Трон королевства Обжория возвышался во главе громадного стола, на который с утра до ночи беспрестанно подавали разные кушанья и всякую снедь.

Понятно, что от королей отбоя не было.

Один за другим на трон забирались:

ОБЖОРИЙ ТРЕТИЙ, Любитель Закуски.

ОБЖОРИЙ ЧЕТВЁРТЫЙ, Свинная Отбивная.

ОБЖОРИЙ ПЯТЫЙ, Вечно Голодный.

ОБЖОРИЙ ШЕСТОЙ, Фаршированный Индюк.

ОБЖОРИЙ СЕДЬМОЙ, Дай Добавку. Он прославился ещё тем, что съел даже свою корону, а ведь она была из кованого железа.

ОБЖОРИЙ ВОСЬМОЙ, Сырная Крошка. Про него рассказывали, что, когда на столе уже ничего не оставалось, он съедал скатерть.

ОБЖОРИЙ ДЕВЯТЫЙ, Стальная Челюсть. Он съел даже трон со всеми подушками.

На том и окончилась династия королей Обжориев.

КАК АЛИСА В МОРЕ ПОБЫВАЛА

Однажды Алиса пошла купаться в море, и это так понравилось ей, что она ни за что не хотела выходить из воды.

— Алиса, хватит, вылезай! — просила мама.

— Сейчас, сейчас! — отвечала Алиса.

А сама думала: «Буду сидеть в воде, пока у меня не отрастут плавники и не превращусь в рыбку!»

И потом каждый вечер, прежде чем улечься спать, она подходила к зеркалу и смотрела, не прорезались ли у неё плавнички и не появилась ли серебристая чешуя?

Но всякий раз находила на своих плечах только несколько песчинок, да и то если слишком поспешно мылась в душе.

Однажды утром Алиса пришла на берег раньше обычного и встретила там мальчика, который собирал морских ежей и съедобных моллюсков.

Мальчик оказался сыном рыбака и прекрасно разбирался во всём, что касается моря.

— А не знаешь ли ты, как превратиться в рыбку? — спросила его Алиса.

— Ну, это проще простого! — ответил мальчик. — Могу хоть сейчас показать! Вот смотри!

Он положил на камень узелок с ежами и моллюсками и нырнул в море.

Прошла минута, прошла другая, а мальчик всё не всплывал.

Но в том месте, куда он нырнул, вдруг показался из воды дельфин и давай весело кувыркаться в волнах, вздымая фонтаны брызг.

Он играл и резвился возле Алисы, и она нисколько его не боялась.

Наигравшись, дельфин легко взмахнул хвостом и уплыл в море.

А на его месте вдруг появился мальчик.

— Видела, как это просто? — улыбнулся он.

— Видела, — ответила Алиса, — только у меня, наверное, так не получится.

— А ты попробуй!

И Алиса нырнула в воду.

Ей очень хотелось стать хотя бы обыкновенной морской звездой.

Но тут с ней, конечно же, приключилась беда.

Она опустилась возле большой двустворчатой раковины, которая как раз в этот момент широко зевала.

Когда девочка коснулась её, раковина тут же захлопнулась и заперла Алису вместе со всеми её мечтами.

«Ну вот, опять я куда-то попала!» — подумала девочка.

Но какая тишина, какая прохлада и покой царили тут, на дне морском, в раковине!

Хорошо бы остаться здесь навсегда и жить на дне моря, как когда-то в древние времена жили русалки.

Алиса вздохнула.

Вспомнила маму.

Бедная, думает, наверное, что её дочь уже в постели!

Потом вспомнила папу, который как раз сегодня вечером, в субботу, должен приехать из города.

— Нет, не могу бросить их! Ведь они так любят меня! На этот раз, уж так и быть, вернусь на землю.

Девочка изо всех сил упёрлась руками и ногами в створки раковины, поднатужилась, приоткрыла их и, выскользнув наружу, быстро поплыла вверх.

А вынырнув на поверхность, увидела, что мальчик, который собирал морских ежей и моллюсков, уже ушёл.

И Алиса побежала домой.

Она никогда никому не рассказывала о том, что произошло с ней в море.

ВОЙНА КОЛОКОЛОВ

Между двумя странами шла однажды война, большая и ужасная — не на жизнь, а на смерть.

Очень много солдат погибло тогда на поле боя.

Мы стояли на нашей стороне, а враги — на своей.

День и ночь палили мы друг в друга, а конца войны всё не видно! Нам стало не хватать бронзы для пушек, железа для пулемётов и так далее.

И тогда наш командующий Страх-генерал Стреляй-смело приказал снять колокола со всех колоколен и отлить из них одну огромную пушку — только одну, но такую громадную, чтобы можно было выиграть войну с одного выстрела.

Сто тысяч подъёмных кранов понадобилось, чтобы поднять эту пушку, а чтобы отвезти на фронт — девяносто семь паровозов!

Страх-генерал потирал от радости руки и говорил:
— Стоит только выстрелить из этой пушки, как враги
пустятся наутёк и докатятся до самой Луны!

И вот настал торжественный момент.

Сверхпушку нацелили на врагов.

Мы заткнули уши ватой, потому что от грохота вы-
стрела у нас могли лопнуть барабанные перепонки и ев-
стахиева труба.

Страх-генерал Стреляй-смело скомандовал:

— Огонь!

Солдат нажал пусковой рычаг.

И вдруг по всему фронту, с одного края в другой, прокатился могучий колокольный перезвон:

— Дин! До-он! Дин! До-он!

Мы вынули вату из ушей, чтобы лучше слышать.

— Дин! Дон! Дин! Дон! — гроыхала сверхпушка.

И сто тысяч эхо повторяли по всем городам и весям:

— Дин! Дон! Дин! Дон!

— Огонь! — снова закричал Страх-генерал. — Огонь, чёрт возьми!

Солдат снова нажал пусковой рычаг, но вместо выстрела над траншеями опять поплыл величавый колокольный перезвон.

Казалось, будто зазвонили сразу все колокола в нашей стране.

Страх-генерал рвал на себе волосы от злости и отчаяния и так перестарался, что у него остался всего один волосок.

Затем наступила тишина.

И неожиданно с другой стороны фронта, словно по команде, тоже раздался громкий и радостный перезвон:

— Дин-дон! Дин-дон! Дин-дон!

Потому что, надо вам сказать, командующему наших врагов Смерть-генералу Бах-фон-Бабаху тоже пришлось

в голову отлить одну большую пушку из всех колоколов, что нашлись в его стране. И началось!

— Дин! Дон! — гудела наша сверхпушка.

— До-он! — отвечало ей вражеское орудие.

Тут солдаты обеих армий выскочили из траншей, бросились друг другу навстречу и начали брататься — обниматься, целоваться, смеяться и танцевать от радости, что война закончилась.

— Колокола! Колокола звонят! Праздник! Войне конец! Ура! Да здравствует мир!

А Страх-генерал Стреляй-смело и Смерть-генерал Бахфон-Бабах забрались в свои автомобили и пустились наутёк!

И умчались так далеко, что у них даже кончился бензин, но колокольный звон ещё долго преследовал их.

ФИАЛКА НА СЕВЕРНОМ ПОЛЮСЕ

Однажды утром на Северном полюсе Белый Медведь почувствовал в воздухе какой-то необычный запах и спросил свою жену Большую Медведицу (а Малая Медведица — это их дочь!):

— Разве снова приехала какая-нибудь экспедиция?

Но оказалось, дело не в этом.

Оказалось, медвежата нашли фиалку.

Совсем маленькая, она дрожала от холода, но продолжала источать свой аромат, потому что в этом было её предназначение — главное дело всей жизни.

— Папа! Мама! Идите сюда! — позвали медвежата родителей и показали им свою удивительную находку.

— Я сразу же сказал — тут что-то не так, — заметил Белый Медведь. — По-моему, это не рыба!

— Я в этом не уверена, — ответила Большая Медведица, — но это даже не птица!

— Ты тоже права, — сказал Медведь, сначала порядком подумав.

К вечеру по всему Северному полюсу разнеслась новость: в необозримой ледяной пустыне появилось маленькое странное душистое существо лилового цвета.

Оно стояло на одной-единственной ножке и не двигалось с места.

Посмотреть на фиалку собрались моржи и тюлени, прибыли олени из Сибири, а из совсем далёких краёв американские мускусные быки, прибежали белые лисицы и волки, прилетели морские сороки.

Все восхищались этим незнакомым цветком, трепещущим на ветру, его тонким, изящным стеблем и с удовольствием вдыхали его аромат.

И что самое странное: чудесного запаха хватало на всех — и для тех, кто всё подходил и подходил.

Меньше его не становилось.

— Раз она источает столько аромата, — сказал морж, — значит, у неё подо льдом должен быть немалый запас его.

— Я же сразу сказал — тут что-то кроется! — воскликнул Белый Медведь.

Он сказал не совсем так, но этого никто уже не помнил.

Чайка, которую послали на юг разузнать что-нибудь про странное явление, вернулась и рассказала, что маленькое ароматное существо зовётся фиалкой и что есть страны, где растут миллионы таких фиалок.

— Ну, в этом нет ничего нового для меня! — заметил тюлень.— Вопрос в другом — как она попала сюда? Я скажу вам всё, что думаю по этому поводу: просто не знаю, какую рыбу хватать!

— Не понял! Что он хотел сказать? — спросил Белый Медведь жену.

— Сказал, что и хотел: не знает, какую рыбу хватать. Другими словами — растерялся!

— Вот! — обрадовался Белый Медведь. — Это как раз то, что и я думаю по этому поводу!

В ту ночь над Северным полюсом стоял страшный грохот.

Вечные льды дрожали и раскалывались, словно стёкла, на куски.

Фиалка источала столько чудесного аромата и такого сильного, будто решила сразу, за один день, растопить всю эту огромную ледяную пустыню, желая превратить её в тёплое лазурное море или в зелёный бархатный луг.

Бедняжка так старалась, что силы её иссякли.

К рассвету она увяла, и головка её поникла.

Фиалка поблёкла, утратила свой красивый яркий цвет, а вместе с ним и жизнь.

Если перевести на наш язык то, что подумала она в последнюю минуту, это прозвучало бы примерно так:

— И вот я умираю... Но это неважно. Важно, что кто-то сделал первый шаг... И настанет день, когда здесь распустятся миллионы фиалок. Льды растают, и появятся острова, покрытые лугами и цветами, и по ним будут бегать дети...

ПРО МОЛОДОГО РАКА

Один молодой рак как-то подумал: «Почему, интересно, все мои сородичи ходят одинаково — пятась назад? А я вот возьму и научусь ходить наоборот — двигаясь вперёд! Как лягушка, например. И пусть у меня отвалится хвост, если не добьюсь своего!»

И он стал тренироваться среди камней в родном ручье. Поначалу это стоило ему огромного труда.

Он всё время на что-нибудь натёкался, ударялся панцирем, цеплялся одной клешнёй за другую.

Но постепенно дела у него пошли лучше, потому что, известно ведь, всему на свете можно научиться, стоит только захотеть.

Когда рак понял, что добился своего, он обратился к родным:

— Вот посмотрите! — и горделиво прошёлся перед ними, но не пятась, как все раки, назад, а двигаясь вперёд.

— Сын мой! — заплакала мать. — Разве я не учила тебя уму-разуму?! Опомнись, милый! Ходи ты, родной, как все нормальные люди ходят!

Братья рака откровенно смеялись над ним.

А отец сурово посмотрел на него и сказал:

— Вот что! Хочешь жить вместе с нами, двигайся как все нормальные раки. А если ты сам себе голова, то уходи отсюда и не возвращайся: ручей большой, места всем хватит.

Храбрый рак очень любил своих родных, но был слишком уверен в своей правоте, и сомнений у него не оставалось.

Он обнял мать, попрощался с отцом и братьями и отправился в дальние края — на другой конец ручья.

Лягушки, что собрались посплетничать на большом листе кувшинки, увидев, как странно двигается молодой

рак, заволновались и принялись оживлённо обсуждать это событие:

— Боже! Ну и дела на белом свете! Стоит посмотреть на этого рака — и страшно подумать, что станет с человечеством! — сказала одна из них.

— Да уж, ни капли уважения к старым традициям! — согласилась другая.

— Ну и ну! — только и вздохнула третья.

Но молодой рак не стал обращать на них внимания и отправился дальше своей дорогой.

Вдруг он услышал, что кто-то зовёт его.

Оказалось, его окликнул старый, большой и очень грустный рак, который жил под камнем совершенным отшельником.

— Добрый день! — поздоровался молодой рак.

Старый рак окинул его долгим взглядом и со вздохом проговорил:

— Думаешь, наверное, что совершаешь великий подвиг? Если хочешь знать, я тоже в молодости мечтал научить всех раков двигаться вперёд. И вот что стало со мной в результате: живу отшельником, и люди скорее прикусят себе язык, чем заговорят со мной. Послушай меня, пока не поздно, — успокойся и поступай как все. Поверь мне, ещё поблаговаришь за этот совет.

Молодой рак не знал, что ответить, и промолчал.

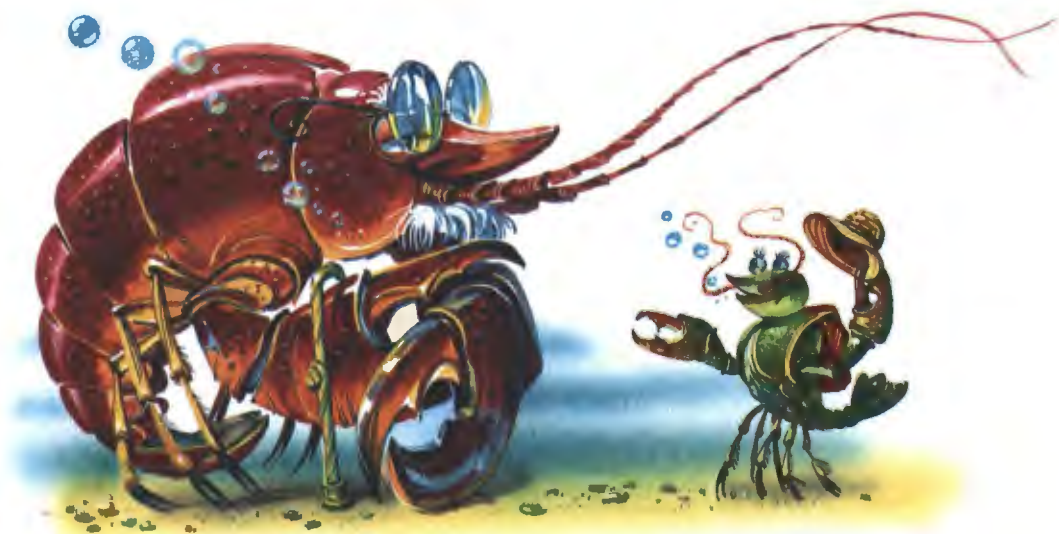
Но про себя подумал: «А всё-таки прав я!»

Он попрощался со старым отшельником и упрямо пошёл своей дорогой.

Далеко ли он уйдёт? Найдёт ли своё счастье? Изменит ли что-нибудь в этой жизни?

Трудно сказать, потому что пока ещё он мужественно и решительно идёт своей дорогой.

И мы можем только от всего сердца пожелать ему доброго пути!

ВОЛОСЫ ВЕЛИКАНА

Жили-были четыре брата. Трое коротышки и ужасно хитрые, а четвёртый вырос великаном, невероятным силачом и очень добрым, умным и простодушным человеком — совсем непохожим на братьев.

И надо сказать, что сила его таилась в руках, а ум — в волосах.

Понятно, что хитрые братья подстригали великана как можно короче, чтобы ума оставалось как можно меньше, и заставляли трудиться за четверых.

Сами же только смотрели, как он работает, да наби-вали себе карманы деньгами.

Бедняге великану приходилось делать всё за всех: па-хоть поле, колоть дрова, крутить мельничное колесо, во-зить телегу вместо вола.

А хитрые братья только понукали, сидя на козлах, да пощёлкивали кнутом.

И ещё они всё время следили, чтобы у великана не отросли волосы.

— Тебе очень идёт короткая стрижка! — говорил один.

— Да, истинная красота не в кудрях! — замечал другой.

— Смотрите, вот эта прядка у него слишком длинная, по-моему. Надо её сегодня вечером укоротить! — предлагал третий.

А сами пересмеивались, толкая друг друга в бок.

На базаре они забирали себе всю выручку и отправлялись веселиться в трактир, а брата-великана оставляли сторожить телегу.

Кормили они его, правда, неплохо — надо же, чтобы у него хватало сил работать.

Пить тоже давали всякий раз, как попросит, но всегда это оказывалось вино только одного сорта — то, что течёт из фонтана.

Но вот однажды великан заболел, и братья испугались, что он умрёт и они останутся без хорошего работника.

Они позвали к нему самых лучших докторов, накупили самых дорогих лекарств и даже стали подавать ему завтрак в постель.

Один брат поправлял подушки, другой — одеяло.

И все трое наперебой говорили:

— Видишь, как мы любим тебя!

— Смотри, не вздумай умереть!

— Не выкинь с нами такую шутку!

Братья так забеспокоились, что даже забыли про его причёску, и волосы у него незаметно отросли — стали длинными-длинными.

Вместе с ними прибавилось у великана и ума.

Он стал задумываться, внимательнее присматриваться к братьям, примечать, что они делают, и понял наконец, какие это нехорошие люди.

Поначалу он молчал, ждал, пока наберётся сил, и однажды утром, когда братья ещё спали, поднялся, перевязал каждого, словно колбасу, верёвкой и погрузил в телегу.

— Куда везёшь нас? Куда везёшь своих любящих братьев? — взмолились они, когда проснулись.

— Сейчас узнаете, — пообещал великан.

Он привёз их на вокзал, посадил в поезд, так и не развязав верёвок, и сказал напоследок:

— Уезжайте, и чтобы ноги вашей больше не было в этих краях! Вы достаточно поизмывались надо мной. Теперь я сам себе хозяин.

Паровоз засвистел, и поезд тронулся.

Трое хитрых братьев сидели тихонько-тихонько.

И никто больше никогда не видел их.

КАК УБЕЖАЛ НОС

Синьор Гоголь рассказал как-то историю о носе, который разъезжал по Невскому проспекту в карете, сбежав от своего законного владельца.

Такой же точно нос, скажу я вам, проказничал как-то и в городе Лавено, что на берегу самого большого озера в Италии — Лаго Маджоре.

Так вот однажды утром синьор, который жил напротив пристани, встав с постели, прошёл в ванную комнату и думал побриться, но, взглянув в зеркало, в ужасе закричал:

— На помощь! Спасите! Мой нос!..

На лице у него не оказалось носа.

Вместо него между щёк сияло ровное, гладкое место, можно даже сказать — третья щека появилась!

Синьор как был, в халате, выскочил на балкон и увидел, что его нос спешит к пристани.

— Стой! Стой! — закричал синьор. — Мой нос! Хватите его! Держите его!

Люди оборачивались, смотрели на балкон и смеялись:

— Нос украли, а уши забыли! Нехорошо, ай, как нехорошо!

Синьору оставалось только одно — выбежать на улицу и пуститься вдогонку за беглецом.

И он бежал, прижимая к лицу платок, словно у него сильный насморк.

К сожалению, он примчался на пристань, когда паром уже отошёл, но синьор отважно бросился в воду и поплыл вдогонку за ним.

А пассажиры и туристы кричали ему с палубы:

— Давай! Давай! Жми!

Но паром уже шёл полным ходом, и капитан не собирался возвращаться ради одного опоздавшего пассажира.

— Подождите следующего парома! — крикнул матрос. — Он ходит каждые полчаса.

Синьор страшно огорчился и направился обратно к берегу, как вдруг увидел, что его нос плывёт по озеру на своём плаще.

— Ах вот как?! Значит, ты только притворился, будто сел на паром! Хотел обмануть меня! — воскликнул синьор.

Нос невозмутимо смотрел вперёд, словно старый морской волк, и даже ухом не повёл.

Его плащ плавно, словно медуза, колыбался на волнах.

— Да куда же ты? — в отчаянии закричал синьор.

Нос не удостоил его ответом.

Несчастный синьор, пробравшись сквозь толпу любопытных, отправился домой.

А там он заперся и велел служанке никого не пускать к нему, сел перед зеркалом и принялся рассматривать гладкую, чистую кожу там, где ещё недавно красовался нос.

Прошло несколько дней, и вдруг один рыбак из Ранко, выбирая сети, обнаружил в них беглеца, утонувшего посреди озера, потому что плащ его оказался дырявым.

Рыбак решил отнести нос на базар в Лавено.

Служанка синьора в тот день тоже отправилась туда за рыбой.

Там-то она и увидела хозяйский нос.

Он гордо красовался среди линей и щук.

— Да это же нос моего хозяина! — испугалась служанка, а потом сразу сообразила: — Дайте-ка мне его сюда, отнесу домой!

— Чей это нос — меня не касается! — заявил рыбак. — Я его выловил, я его и продаю!

— За сколько?

— На вес золота, разумеется! Это ведь нос, не рыбёшка какая-нибудь!

Служанка побежала домой и рассказала всё хозяину.

— Дай ему всё, что ни попросит! Лишь бы мой нос вернулся на своё место! — в отчаянии закричал синьор. — Не могу же я, в самом деле, оставаться без носа!

Служанка быстро подсчитала, что нужно заплатить страшно много денег, нос ведь оказался довольно круп-

ный! Требовалось триста ужасных тысяч и тринадцать девятиц с половинкой.

Чтобы собрать столько денег, служанке пришлось даже продать свои серёжки.

Но она очень уважала своего хозяина и поэтому, вздыхав, распрощалась с ними.

Служанка купила нос, завернула его в платок и принесла хозяину.

Нос спокойно позволил отнести себя домой и даже нисколько не возмутился, когда хозяин осторожно взял его дрожащими пальцами за кончик.

— Ну, зачем же ты удрал, глупышка ты этакий? Что я тебе такого сделал? — спросил синьор.

Нос покосился на хозяина, недовольно поморщился и произнёс:

— Знаешь, если хочешь, чтобы я оставался на месте, не ковыряй больше пальцем в носу. Или стриги, по крайней мере, ногти!

ДОРОГА, КОТОРАЯ НИКУДА НЕ ВЕЛА

На окраине села улица расходилась на три стороны: одна дорога шла к морю, другая — в город, а третья — никуда не вела.

Мартино знал это, потому что у кого только ни спрашивал про третью дорогу, все, будто сговорились, отвечали одно и то же:

— Какая дорога, вон та? Да никуда она не ведёт. Не стоит и ходить туда.

— Но всё-таки куда-то же она ведёт?

— Нет, никуда не ведёт!

— Тогда зачем же её построили?

— А никто и не строил её. Она всегда там была!

— И никто никогда не ходил по ней?

— Ох, и упрямая ты голова!.. Говорят же тебе — там ничего нет... Значит, и ходить незачем.

— А откуда вы знаете? Вы разве были там?

Мартино слыл таким упрямым и настойчивым, что его даже так и прозвали — Martino Упрямая Голова.

Но он не обижался на это прозвище и всё думал о дороге, которая никуда не ведёт.

Когда же он подрос настолько, что смог переходить улицу, не держась за дедушку, то встал однажды утром, вышел из села и решительно зашагал по загадочной дороге, которая никуда не вела.

Дорога оказалась вся в выбоинах, местами заросла травой, но, к счастью, дождя давно не было — не было и луж.

Поначалу по сторонам тянулась колючая изгородь, но вскоре она окончилась, и дорога пошла лесом.

Ветви огромных деревьев сплетались над ней, образуя тёмную прохладную галерею, в которую лишь изредка, словно лучик карманного фонарика, пробивался солнечный свет.

Шёл Martino, шёл, а галерея всё не кончалась, и дорога тоже не кончалась.

У него ноги едва не подкашивались от усталости, и он уже подумал, а не вернуться ли назад, как вдруг откуда ни возьмись — собака!

— Где собака, там и жильё! — сообразил Martino. — Во всяком случае, человек.

Собака бросилась навстречу Мартино, радостно виляя хвостом, и лизнула ему руку, а потом побежала вперёд по дороге, то и дело оглядываясь, словно проверяя, идёт ли он за ней.

— Иду, иду! — отвечал Мартино, ему стало интересно, чем дело кончится.

Но вот лес стал редеть, в вышине проглянуло небо, и дорога привела Martino к красивой узорчатой ограде, за которой он увидел чудесный дворец.

Двери его гостеприимно распахнуты, из трубы клубится дымок, а с балкона приветливо машет рукой прекрасная синьора, такая прекрасная, какой Martino никогда и не видывал.

— Заходи, заходи, Martino Упрямая Голова! — весело позвала синьора.

— Вот как! — обрадовался мальчик. — Я и сам-то не знал, что попаду сюда, а она, надо же, видно, ждала меня!

Martino открыл ворота, прошёл по парку и оказался у дворца как раз в тот момент, когда прекрасная синьора вышла ему навстречу.

Очень красивая синьора и одета куда лучше всяких фей и принцесс. К тому же очень весёлая.

— Выходит, ты всё-таки не поверил? — засмеялась она.

— Чему? — удивился Martino.

— Как чему? Что эта дорога никуда не ведёт?

— Ещё бы! Слишком глупая история! По-моему, на свете гораздо больше просто ещё не изведанных путей, чем нехоженных дорог.

— Разумеется! Нужно только не бояться неизведанных дорог. А теперь идём, покажу тебе дворец!

Сколько же залов оказалось в этом дворце, наверное, больше ста, и все заполнены сокровищами — совсем

как в замке Спящей Красавицы или Кощея Бессмертного. Чего тут только не было — и бриллианты, и драгоценные камни, и золото, серебро...

Вела его прекрасная синьора по залам и всё повторяла:

— Бери, Martino, бери всё, что хочешь. А я одолжу тебе свою карету, чтобы увезти всё, что понравится.

Сами понимаете, Martino не заставил себя упрашивать.

Он доверху загрузил карету разными драгоценностями и отправился в обратный путь.

Вместо кучера на козлах у него сидел пёс.

Да не простой, а учёный — он умел управляться с вожжами и лаял на лошадей, когда сбивались с дороги.

А в родном селе о Мартино уже и думать забыли — решили, что погиб упрямец.

Можете себе представить, как все удивились, когда он вдруг вернулся!

Учёный пёс выгрузил на площади несметные сокровища, вильнул хвостом на прощание, забрался на козлы, и карета тут же скрылась из виду.

Мартино щедро одарил богатыми подарками всех — и друзей, и недругов — и всё повторял рассказ о своём приключении.

И каждый раз, когда умолкал, кто-нибудь из его односельчан бежал домой, запрягал лошадь и пускался вскачь по дороге, которая никуда не вела.

Однако к вечеру все возвращались с вытянутыми от огорчения лицами: дорога, уверяли они, вела прямо в болото, в лесную чащу, в заросли колючего кустарника...

И никому не удалось увидеть ни узорчатой ограды, ни чудесного дворца, ни прекрасной, весёлой синьоры, раздающей богатства.

А всё потому, что некоторые сокровища открываются только тому, кто первым идёт нехоженым путём — прокладывает к ним трудную дорогу.

Как Мартино Упрямая Голова.

ПУГАЛО

Гонарио — младший из семерых братьев. У родителей его не было денег, чтобы послать мальчика учиться в школу.

И пришлось ему наняться на богатую ферму — работать.

Так Гонарио стал... пугалом.

Это значит, что он ходил по полям и разгонял птиц.

Каждое утро ему давали кулёк с порохом, и он отправлялся на работу.

Целыми днями ходил он по окрестным полям, то и дело останавливаясь и поджигая щепотку пороха.

Вспышка пугала птиц, и они улетали, думая, что пришли охотники.

А однажды искра попала на курточку Гонарио, она вспыхнула, и если бы мальчик не догадался прыгнуть в ров с водой, то, конечно, погиб бы от огня.

А во рве Гонарио перепугал всех лягушек.

С оглушительным кваканьем бросились они врассыпную. Крики лягушек напугали кузнечиков и цикад, и те мгновенно умолкли...

Но больше всех испугался сам Гонарио.

Так испугался, что даже заплакал.

Он сидел один-одинёшенек возле рва, мокрый, словно гадкий утёнок, маленький, оборванный и голодный.

Он плакал так горько, что даже воробьи перестали прыгать с ветки на ветку.

Они смотрели на мальчика и сочувственно чирикали, пытаясь утешить.

Но разве могут воробьи утешить пугало?!

Эта грустная история случилась в Сардинии, на итальянском острове в Средиземном море.

КАК ОДИН МАЛЬЧИК ИГРАЛ С ТРОСТЬЮ

Однажды чудесным солнечным утром маленький Клавдио играл у ворот, а по улице, опираясь на толстую трость, шёл, ссутулившись, старик в золотых очках.

У ворот он вдруг остановился и уронил трость.

Клавдио подбежал, поднял её и подал старику.

Тот улыбнулся:

— Спасибо! Только, знаешь, она больше не нужна мне. Отлично могу обойтись и без неё. Оставь себе, если хочешь.

И ушёл, не дожидаясь ответа.

Казалось, почти и не ссутулился теперь.

А Клавдио так и остался стоять с тростью в руках, не зная, что с нею делать. Обыкновенная деревянная трость, с изогнутой ручкой и железным наконечником.

Трость как трость, ничего особенного!

Клавдио стукнул раза два ею о землю, а затем просто так, играя, взял да оседлал, словно игрушечного коня.

И вдруг он действительно оказался на коне — на чудесном чёрном жеребце с белой отметиной на лбу.

Скакун громко заржал и галопом понёсся по двору, выбивая копытами искры из камней.

Вот чудеса!

Клавдио удивился и даже немного испугался, а когда слез с коня, трость снова оказалась самой обыкновенной палкой.

Нет никаких следов копыт — только железный наконечник, и никакой пышной гривы, вместо неё изогнутая ручка.

«А ну-ка попробую ещё!» — подумал Клавдио.

И снова оседлал трость.

На этот раз она превратилась в величественного двугорбого верблюда, а двор раскинулся огромной пустыней.

Но Клавдио не испугался, а стал всматриваться в безлюдную даль, отыскивая оазис.

«Это, конечно, волшебная трость!» — решил мальчик и в третий раз оседлал её.

Теперь он мчался в красном спортивном автомобиле по гоночному треку, а на трибунах шумели болельщики.

И Клавдио первым пришёл к финишу.

Затем трость превратилась в моторный катер, а двор — в спокойное голубое озеро.

А потом Клавдио оказался на космическом корабле, оставляющем за собою звёздный шлейф...

Но всякий раз, когда мальчик ступал на землю, трость снова приобретала свой обычный мирный вид — всё та же гладкая изогнутая ручка и ржавый железный наконечник.

В этих играх быстро пролетел день. А вечером Клавдио снова выглянул на улицу и опять увидел старика в золотых очках, возвращавшегося откуда-то.

Мальчик с любопытством оглядел его, но ничего необычного не заметил — старик, как старик усталый, видно, после долгого пути.

— Понравилась моя трость? — спросил он Клавдио.

Мальчик решил, что старик хочет забрать трость, и протянул её:

— Спасибо!

Но старик покачал головой.

— Оставь себе! Она больше не нужна мне, — сказал он. — Ты с её помощью можешь даже летать, я же только опираюсь на неё. А прислониться можно и к стене.

И старик ушёл, улыбаясь, потому что нет на свете человека счастливее того, кто может подарить что-нибудь ребёнку.

СТАРЫЕ ПОСЛОВИЦЫ

— **Н**очью, — заявила одна Старая Пословица, — *все кошки серы!*

— А я чёрная! — возразила чёрная кошка, которая как раз в этот момент перебежала дорогу.

— Не может быть! — рассердилась Старая Пословица. — Старые Пословицы никогда не ошибаются!

— А я всё равно чёрная! — настаивала кошка.

Старая Пословица так удивилась и огорчилась, что свалилась с крыши и сломала себе ногу.

А другая Старая Пословица отправилась как-то на футбол и стала болеть за одного игрока.

Желая помочь, она шепнула ему на ухо:

— *И один в поле воин!*

Футболист попробовал играть мячом в одиночку, но это оказалось так скучно, что он чуть не умер от тоски.

К тому же и побеждать некого, когда играешь один.

И футболист быстренько вернулся в свою команду.

С досады Старая Пословица заболела, и ей пришлось удалить гланды.

А однажды встретились три Старые Пословицы и, едва открыв рот, сразу же заспорили.

— *Начало — половина дела!* — заявила первая.

— Ничего подобного! — возразила вторая. — Всем известно, что *в любом деле лучше всего золотая середина!*

— Глубочайшее заблуждение! — воскликнула третья. — *Конец — всему делу венец!*

Тут они вцепились друг другу в волосы, да так и дерутся до сих пор.

А вот что случилось со Старой Пословицей, которой захотелось отведать груш.

Уселась она под грушевым деревом и стала ждать.

«*Спелая груша сама с ветки падает!*» — подумала она.

Но груша упала с дерева, только когда насквозь прогнила.

Она шлёпнулась прямо на макушку Старой Пословице, и та с горя тотчас ушла на пенсию.

ПРО АПОЛЛОНИЮ, МАСТЕРИЦУ ВАРИТЬ ВАРЕНЬЕ

В небольшом селении Сант-Антонио, что на берегу озера Лаго Маджоре, жила одна женщина, которая слыла большой мастерицей варить варенье.

Оно получалось у неё такое вкусное, что отовсюду, из всех окрестных долин, приезжали к ней люди с просьбой сварить для них варенье.

В хорошую погоду в Сант-Антонио всегда собиралось много народу — из Валькувии и Вальтравальи, из Вальдументины и Вальповерины.

Люди присаживались на невысокую каменную ограду отдохнуть и полюбоваться озером, лакомились малиной, что росла рядом, а потом шли к Аполлонии.

— Не сварите ли нам, уважаемая, варенье из черники?

— Охотно! — отвечала она.

— А мне из слив!

— Пожалуйста!

У Аполлонии были поистине золотые руки.

Как-то пришла к ней одна бедная женщина из Аркумеджи, такая бедная, что у неё не нашлось даже горстки персиковых косточек, чтобы сварить варенье, и по дороге она набрала в передник каштановой скорлупы.

— Аполлония, сварите мне, пожалуйста, варенье! — попросила она.

— Из каштановой скорлупы? — удивилась та.

— А у меня нет ничего другого!

— Ну что ж, попробую...

И Аполлония постаралась — сварила варенье, вкусное как никогда!

В другой раз бедная женщина из Аркумеджи не нашла даже каштановой скорлупы, потому что её уже накрыли опавшие листья.

И она нарвала полный передник крапивы.

И снова:

— Аполлония, сварите мне ещё варенья!

— Из крапивы?

— Я не нашла ничего другого!

— Ну что ж, попробую...

Аполлония взяла крапиву, засыпала её сахаром и сварила такое варенье, что пальчики оближешь.

А всё потому, что у Аполлонии были поистине золотые руки: из чего угодно могла сварить варенье.

Проезжал как-то в тех краях король и тоже захотел отведать знаменитого варенья мастерицы Аполлонии.

Подала она ему блюдце с вареньем.

Взял король ложечку, попробовал и разгневался — в варенье попалась муха.

— Фу, как противно! — заявил король. — Фу, как невкусно!

— Будь варенье плохим, муха не польстилась бы на него, — заметила Аполлония.

Однако король не на шутку рассердился и приказал своим солдатам отрубить Аполлонии руки.

Но тут люди крепко разозлились на короля и заявили, что если он отрубит Аполлонии руки, то они снимут с него корону, а вместе с нею и голову.

Потому что голова, чтобы носить корону, всегда найдётся, а таких золотых рук, как у Аполлонии, днём с огнём не сыщешь!

Пришлось королю убраться подобру-поздорову.

СТАРАЯ ТЁТУШКА АДА

Когда тётушка Ада стала совсем-совсем старенькой, она перебралась в приют для престарелых.

Поселили её в небольшой комнатке, где стояли три кровати.

Две из них занимали такие же, как она, старушки, а третью отвели ей.

Старая тётушка Ада сразу же облюбовала себе небольшое кресло у окна, уселась в него и раскрошила на подоконнике печенье.

— Что это вы придумали! — рассердились старушки. — Так же муравьи наползут сюда.

Но вместо муравьёв на подоконник вдруг опустилась птичка.

Она с удовольствием поклевала печенье, а потом вспорхнула и улетела.

— Ну вот, — снова заворчали старушки, — вы старались, а она поела, хвостиком махнула и поминай как звали! Даже спасибо не сказала! Совсем как наши дети. Выросли, разлетелись кто куда и даже не вспоминают о своих родителях.

Ничего не ответила старая тётушка Ада.

А на другой день опять раскрошила на подоконнике печенье.

И так она делала каждое утро.

И каждое утро всегда в одно и то же время прилетала птичка и клевала угощение.

А если случалось, что тётушка Ада ещё не приготовила ей завтрак, птичка начинала беспокоиться и волноваться.

Прошло некоторое время, и птичка прилетела не одна, а со своими птенцами.

Потому что она уже свила себе гнездо, и у неё появилось четверо детишек.

Птенцы тоже с удовольствием клевали печенье, которым угощала их старая тётушка Ада.

Так что теперь каждое утро на подоконник опускалась целая стайка.

И если, случалось, завтрак почему-либо запаздывал, птицы поднимали шум и гвалт — щебетали и чирикали на все голоса.

— Там ваши птицы прилетели, — с завистью говорили старушки старой тётушке Аде.

И тётушка Ада бросала все дела и спешила к своей тумбочке.

Она доставала печенье, лежавшее рядом с пачкой кофе и анисовыми карамельками, и говорила:

— Сейчас, сейчас! Иду!

— Ох-ох! — вздыхали старушки. — Если бы достаточно было положить на подоконник печенье, чтобы вернуть сюда наших детей! А ваши-то, тётушка Ада, где ваши дети?

Старая тётушка Ада не знала, где они.

Может быть, в Австрии, а может, в Австралии.

Но она не огорчалась.

Она крошила птичкам печенье и приговаривала:

— Ешьте, ешьте, иначе у вас не будет сил летать.

А старушки качали головами и думали, что старая тётушка Ада просто выжила из ума.

Ведь такая старая и такая бедная, а всё норовит кого-то угостить.

И даже не ждёт при этом, что скажут спасибо.

А потом старая тётушка Ада умерла.

И дети её узнали об этом, когда уже поздно было ехать на похороны.

А птички — те по-прежнему прилетали на подоконник всю зиму и сердились, что старая тётушка Ада не крошит им печенья.

СОЛНЦЕ И ТУЧА

Солнце весело и горделиво катило по небу на своей огненной колеснице и щедро разбрасывало лучи — во все стороны!

И все радовались!

Только туча злилась и ворчала на солнце.

И неудивительно — у неё было грозное настроение.

— Транжира ты! — хмурилась туча. — Дырявые руки! Швыряйся, швыряйся своими лучами! Посмотрим, с чем останешься!

А в виноградниках каждая ягодка ловила солнечные лучи и радовалась им.

И не нашлось на земле такой травинки, паучка или цветка, даже такой капельки воды, которые не старались бы заполучить свой солнечный лучик

— Ну, транжирь ещё! — не унималась туча. — Транжирь своё богатство! Увидишь, как тебя отблагодарят, когда уже нечего будет взять!

Солнце по-прежнему весело катило по небу и миллионными, миллиардами раздаривало всему свету свои лучи.

Когда же к заходу оно сосчитало их, оказалось, что все на месте, — смотри-ка, все до одного!

Узнав про это, туча так удивилась, что тут же рассыпалась градом.

А солнце весело бултыхнулось в море.

КОРОЛЬ, КОТОРЫЙ ДОЛЖЕН БЫЛ УМЕРЕТЬ

Однажды должен был умереть король.
Очень могущественный, но смертельно больной.

— Мыслимое ли дело, — сокрушался он, — чтобы такой великий король, как я, умер! О чём только думают мои придворные волшебники? Почему не спасают меня?

Но оказывается, волшебники, боясь ненароком потерять голову, разбежались кто куда.

Возле короля остался только один, которого прежде он даже не замечал.

Это оказался самый дряхлый и самый старый волшебник, чудаковатый и, наверное, даже немного ненормальный.

Король уже давно не прибегал к его советам.

Но тут — делать нечего — пришлось послать за ним.

— Пожалуй, сможешь остаться в живых, — сказал волшебник, — но при одном условии: нужно на сутки уступить трон человеку, который будет как две капли воды похож на тебя. И тогда умрёт он, а не ты.

Тотчас по всему королевству гонцы разгласили указ:

— Всякий, кто похож на короля и не хочет кончить свои дни на плахе, должен немедленно явиться к королевскому двору!

Явились многие.

У одних борода оказывалась совсем как у короля, а вот нос капельку длиннее или чуточку короче, и волшебник отсылал их прочь.

Другие походили на короля, словно два апельсина в корзине продавца фруктов, но волшебник и их отправлял восвояси: то не хватало зуба, то оказывалась родинка на спине.

— Так ты всех разгонишь! — рассердился король. — Дай мне хотя бы ради пробы поменяться местами с кем-нибудь!

— Это бесполезно! — отвечал волшебник.

Однажды вечером король прохаживался вместе с ним по крепостной стене, как вдруг волшебник воскликнул:

— Вот! Вот человек, который больше всего похож на тебя!

И указал на нищего — горбатого, полуслепого, покрытого струпьями.

— Нет, этого не может быть! — возмутился король. — Между нами целая пропасть!

— Король, которого ждёт смерть, — продолжал волшебник, — может походить только на самого бедного, самого несчастного человека в городе. Ну-ка поменяйся быстро с этим стариком одеждой, уступи ему на сутки свой трон, и спасёшься!

Но король никак не мог согласиться, что похож на несчастного нищего.

Обидевшись, он вернулся в свой дворец и в тот же вечер умер как был — с короной на голове и со скипетром в руке.

ВОЛШЕБНИК, КОТОРЫЙ ДЕЛАЛ КОМЕТЫ

Как-то раз один волшебник придумал машину, которая делала кометы.

Она, правда, немного походила на машину для приготовления лапши, но на самом деле изготавливала кометы.

Какие угодно — большие или маленькие, с простым хвостом или с двойным, жёлтого цвета или красного и так далее.

Волшебник этот ездил по городам и сёлам, не пропуская ни одного базара.

Он побывал даже на Миланской ярмарке и на ярмарке лошадей в Вероне и всюду показывал свою машину, объясняя, как просто с нею управляться.

Сначала кометы получались маленькие-премаленькие и держались на ниточке, а потом, по мере того как поднимались вверх, становились такой величины, какой вам хотелось, но даже с самой большой кометой справиться было легче, чем с бумажным змеем.

Вокруг волшебника, как водится, собирались любопытные.

Всегда ведь народ толпится там, где на базарах показывают машины для получения особенно тонких спагетти или для очистки картофеля.

Люди глазели, качали головами, но почему-то никто ни разу не купил у волшебника даже самую маленькую кометку.

— Будь это воздушный шарик, ещё куда ни шло! — говорила какая-нибудь хозяйшка. — А купи я своему сыну комету, кто знает, каких бед он натворит с нею!

— Не бойтесь! — уговаривал волшебник. — Не бойтесь! Ведь ваши дети полетят к звёздам, и надо с детства приучать их к мысли об этом!

— Нет уж, спасибо! Пусть кто-нибудь другой отправляется к звёздам! А мой сын туда не полетит! Это я вам обещаю!

— Кометы! Настоящие кометы! Кому нужны кометы?! Но никому они не были нужны.

Бедному волшебнику пришлось прямо-таки голодать, потому что он не выручил за свои кометы ни одной лиры.

Он, бедняга, настолько исхудал, что под конец от него остались, как говорится, только кожа да кости.

И вот однажды вечером, когда ему особенно сильно захотелось есть, он превратил свою машину для изготовления комет в головку тосканского сыра и съел её.

РЫБАК ИЗ ЧЕФАЛУ́

Как-то раз один рыбак из Чефалу́, выбирая сеть, почувствовал, что уж очень она тяжёлая.

И подумал, что выловил невесть что.

Но, вытянув сеть на берег, увидел в ней всего-навсего крохотную — не больше мизинца! — рыбёшку.

Рыбак огорчился и хотел было бросить её обратно в море, как вдруг услышал тонюсенький голосок:

— Ой-ой! Не сжимай меня так сильно!

Рыбак огляделся, но никого не увидел: ни поблизости, ни вдали.

И уже снова хотел кинуть рыбку в воду, но тот же голосок вдруг попросил его:

— Не бросай меня в море! Не бросай!

И рыбак догадался, что это говорит маленькая рыбка.

Однако, разжав руку, увидел на ладони крохотного мальчика.

Крохотный, но совсем как настоящий — всамделишные ручки, ножки, головка, всё в порядке, только на спине два плавничка — как у рыбки.

— Что ты за чудо такое? — удивился рыбак.
— Я — дитя морской пучины, — услышал он в ответ. — И зовут меня Марино — морской, значит.
— И что тебе от меня надо?
— Сбереги меня, не выбрасывай, и я принесу тебе удачу!

Рыбак вздохнул:

— Только тебя не доставало! У меня своих детей хватает — не знаю, как прокормить!

— Поживём — увидим! — загадочно произнёс крохотный мальчик.

Рыбак отнёс Марино домой, велел сшить ему маленькую рубашонку, спрятал таким образом плавнички и положил спать в люльку к своему младшему сыну.

Мальчик едва не затерялся на подушке.

Зато ел он ужасно много — столько съедали дети рыбака за один только раз, а было их семеро, и аппетит у каждого — дай бог!

— Ну и повезло же мне! — опять вздохнул рыбак.

Как-то раз собрался он на рыбалку, и мальчик, рождённый морем, упросил взять его с собой.

Вышли они в открытое море, Марино и говорит:

— Гроби прямо, пока не велю остановиться.

Рыбак послушался.

— А теперь опусти вёсла и закинь сеть вон туда.

Рыбак снова послушал его.

А когда выбрал сеть из воды, она оказалась тяжёлой, как никогда, — улов оказался преотличный!

Мальчик обрадовался и захопал в ладоши:

— Что я говорил! Уж я-то знаю, где рыба водится!

Очень скоро рыбак разбогател, купил себе вторую лодку, третью, потом ещё несколько лодок, нанял моряков, чтобы выходили в море, забрасывали сети и привозили ему богатый улов.

Рыбак выручал от продажи так много денег, что даже отправил сына учиться на бухгалтера, чтобы помогал ему потом считать выручку!

Но вот беда: разбогатев, рыбак совсем позабыл, как тяжело ему жилось в бедности.

Он не щадил своих моряков, заставлял их очень много работать, а платил очень мало.

Когда же они возмущались, выгонял с работы.

— Но чем же нам детей кормить? — спрашивали они.

— Пусть погрызут камешки! — отвечал он.— Увидите, их желудки отлично справятся с ними!

Мальчик, рождённый морем, всё это видел и слышал.

И однажды вечером сказал рыбаку:

— Смотри, будь осторожней, а то снова ни с чем останешься!

Но рыбак только посмеялся в ответ.

Более того, он взял мальчика, засунул его в большую раковину и забросил её далеко в море.

И кто знает, сколько ещё пройдёт времени, прежде чем этот мальчик сможет выбраться из своего плена.

Но уж если выберется...

А вы на его месте что сделали бы?

КОРОЛЬ МИДАС

Король Мидас слыл ужасным транжирой.

В его королевстве так и повелось: что ни день — праздник, что ни вечер — бал.

Понятно, что в один прекрасный день не осталось у короля ни чентезимо.

Тогда он позвал волшебника Аполло и рассказал ему о своей беде.

И волшебник заколдовал его.

— Всё, к чему прикоснутся твои руки, — сказал он, — будет тотчас превращаться в золото!

Король Мидас даже подскочил от радости и вприпрыжку побежал к своему автомобилю.

Но едва он дотронулся до дверцы, как автомобиль сразу же сделался золотым.

Всё стало золотым — колёса, стёкла, мотор, даже бензин превратился в слиток золота.

Понятно, что машина не могла больше двигаться, и понадобилась телега и упряжка волов, чтобы отвезти её в королевский гараж.

Король Мидас стал ходить по залам и трогать всё подряд: столы, стулья, шкафы.

И тотчас всё превращалось в золото.

Наконец устал король и захотел пить.

Велел подать стакан воды, но едва прикоснулся к нему, как стакан тоже превратился в слиток золота, и вода перестала быть водой.

Пришлось слуге поить короля с ложечки.

Подошло время обеда.

Взял король вилку, но в руке оказался кусок золота.

Придворные обрадовались, захлопали в ладоши и наперебой стали просить короля:

— Ваше величество, потрогайте пуговицы на моём камзоле! Потрогайте, пожалуйста, мой зонт!

Король Мидас всех порадовал, а когда взял хлеб, чтобы поест наконец, хлеб тоже превратился в слиток золота.

Пришлось королеве кормить короля кашкой с ложечки, а придворные попрятались под стол, потому что не могли удержаться от смеха.

Король Мидас рассердился и дёрнул одного из них за нос.

Нос сделался золотым и отвалился, так что бедняга испустил дух.

Пришло время ложиться спать.

Король Мидас коснулся подушки и превратил её в золото, тронул простыню, матрац — и вот уже вместо мягкой постели лежит перед ним груда золота, твёрдого-претвёрдого.

Не очень-то поспишь на такой кровати.

Пришлось королю провести ночь в кресле с поднятыми вверх руками — чтобы ничего не коснуться ненароком.

К утру он смертельно устал и, едва рассвело, сам побежал к волшебнику Аполло, чтобы тот расколдовал его.

Волшебник согласился.

— Хорошо, — сказал он, — но будь внимателен! Колдовство окончится ровно через семь часов и семь минут. И всё это время ты не должен ничего трогать, иначе всё, к чему прикоснёшься, превратится в навоз.

Король Мидас ушёл успокоенный и стал следить за часами, чтобы не тронуть что-нибудь раньше времени.

На беду, часы его немного спешили — каждый час они убегали вперёд на одну минуту.

Когда прошло семь часов и семь минут, король Мидас открыл дверцу своего автомобиля и сел в него.

Сел и оказался в большой навозной куче.

Потому что до конца колдовства не хватало ещё семи минут.

СИНИЙ СВЕТОФОР

Однажды со светофором, что висит на соборной площади в Милане, а собор этот, между прочим, строился целых четыреста лет, произошло нечто странное: сразу все огни его вдруг загорелись синим цветом.

И люди не знали, что делать — переходить дорогу или не переходить?

Стоять или идти?

Все глаза светофора излучали только синий свет.

Таким синим никогда не видели даже небо над Миланом.

Пешеходы недоумевали — как быть?

Автомобилисты яростно сигналили, мотоциклисты грозно рычали своими мотоциклами, а самые важные и толстые прохожие сердито кричали светофору:

— Что это вы делаете? Разве не знаете, кто я такой?!

Остряки обменивались шутками, а шутники — остротами:

— Зелёный цвет? Зелень забрали богачи! Им, должно быть, понадобилась лишняя вилла за городом!

— А красный? Он весь ушёл на покраску рыбок, что плавают в бассейне у фонтана.

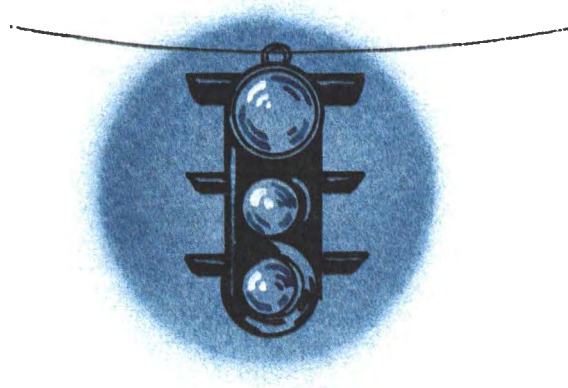
— А с жёлтым знаете что сделали? Его добавили в оливковое масло!

Наконец появился полицейский, встал посреди перекрёстка и наладил движение.

Потом другой полицейский подошёл к распределительному щиту и отключил светофор, чтобы починить его.

Светофор последний раз сверкнул своими синими очами и успел подумать:

«Бедняги! Я же дал им сигнал: «Путь в небо свободен!» Поняли бы меня, так все могли бы теперь свободно летать! А может, и поняли, да у них просто не хватило смелости?»

ПРО МЫШКУ, КОТОРАЯ ЕЛА КОШЕК

Одна хилая мышка, что жила в библиотеке, вздумала как-то навестить своих сородичей, что ютились в подвале — очень далеко от всего мира — и знать не знали жизни.

— Вы же понятия не имеете о том, что делается на свете! — заявила она своим оробевшим сородичам. — И, наверное, даже читать не умеете?!

— Зато ты, конечно, многое знаешь! — вздохнули те.

— Ну, вот скажите, ели вы когда-нибудь кошку?

— Что ты! Боже упаси! У нас всё больше кошки едят мышей!

— Это потому, что вы невежды! А я на своём веку не одну кошку съела, и, уверяю вас, ни единая даже не пискнула!

— И вкусные бывают кошки?

— Вкусные! Только отдают немного бумагой и типографской краской. Но это пустяки! А собаку не доводилось пробовать? Нет?

— Что ты, что ты?!

— А я вчера как раз съела одну. Овчарку. С довольно приличными клыками, но, в общем, она преспокойно позволила расправиться с собой и даже не тявкнула.

— И вкусная оказалась?

— Очень! Правда, тоже с бумажным привкусом. А носорога не пробовали?

— Ну что ты! Мы даже в глаза его не видели никогда! А на что он больше похож — на российский сыр или голландский?

— Он похож на носорога, разумеется. А слона или монаха? Принцессу или новогоднюю ёлку со всеми игрушками тоже, наверное, никогда не ели?

И тут кошка, которая пряталась в углу за чемоданом, с грозным мяуканьем выскочила на середину подвала.

Это оказалась самая настоящая, живая кошка, с пышными усами и острыми когтями.

Мышата так и брызнули в свои норки.

А библиотечная мышка, увидев живую кошку, так удивилась, что застыла на месте, словно игрушечная.

Кошка цапнула её лапой и принялась играть с нею.

А потом поинтересовалась:

— Не ты ли, случаем, та самая мышка, которая ест кошек?

— Я, ваша светлость... Но вы должны понять меня... Я ведь живу среди книг...

— О да, понимаю, понимаю! И ешь кошек, нарисованных, напечатанных на бумаге...

— Иногда, и только в образовательных целях...

— Разумеется. Я тоже очень люблю литературу... А не кажется ли тебе, что не мешает немного поучиться и у жизни? Тогда, быть может, ты поняла бы, что не все кошки сделаны из бумаги и не все носороги боятся мышей.

К счастью для бедной пленницы, кошка заметила неподалёку паука, на секунду отвлеклась, и библиотечная мышка в два счёта юркнула под шкаф с книгами.

Пришлось кошке довольствоваться пауком.

ДОЛОЙ ДЕВЯТКУ!

Как-то раз один школьник решал примеры.
— Тринадцать разделить на три,— считал он,— будет четыре и один в остатке. Значит, четыре. Проверим! Трижды четыре — двенадцать, плюс один — тринадцать. Теперь вычтем девять... А ну-ка, долой отсюда эту девятку!

— Вот ещё! — возмутилась Девятка.

— Что? — удивился ученик.

— Что это значит: «Долой девятку!»? Что ты ко мне пристал? Что я тебе такого сделала? Или, может, я преступница какая?

— Но я...

— Да, да! Знаю, сейчас начнёшь придумывать разные объяснения. Только меня они не устраивают. Кричи, если хочешь: «Долой бульон из мясных кубиков!», «Долой полицию!» — и можешь даже сколько тебе угодно требовать: «Долой рекламу на телевидении!» Но почему тебе взбрело в голову заявить «Долой девятку!»?

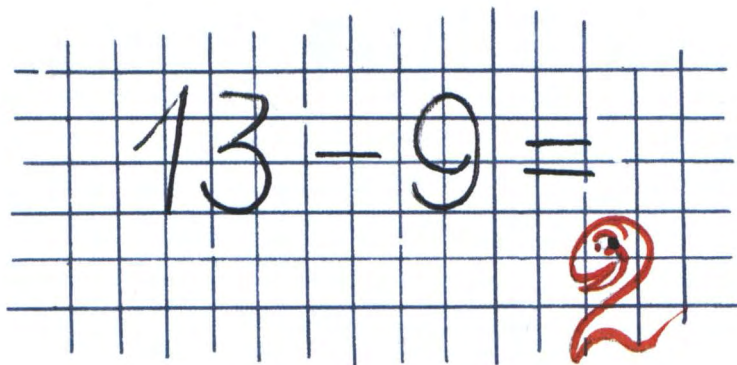
— Простите, но я только хотел...

— Не перебивай! Это неприлично. Я — простая, скромная цифра. Число, правда однозначное. И любое двузначное может, конечно, меня поучать. Но и у меня есть своя гордость, и я требую, чтобы меня уважали. И прежде всего дети, которым ещё нужно нос вытирать. Одним словом, долой твой нос, долой что угодно, но меня, будь добр, оставь в покое!

Школьник так растерялся, что побоялся вычесть из тринадцати девять.

Задача осталась без ответа, и мальчик получил двойку.

Да, видимо, иногда бывают в жизни случаи, когда надо быть смелее и решительнее.

A handwritten mathematical equation, $13 - 9 = 2$, is shown on a blue-lined grid. The numbers and symbols are written in black ink. The number '2' at the end of the equation is drawn in red ink with a decorative, swirling flourish.

ТОНИНО-НЕВИДИМКА

Однажды мальчик по имени Тонино пришёл в школу, не выучив урока, и очень боялся, что учитель вызовет его.

«Эх, — подумал он, — хорошо бы стать невидимкой!..»

Учитель начал урок с переклички, и, когда дошёл до Тонино, тот ответил:

— Здесь!

Но никто не услышал его, и учитель, вздохнув, сказал:

— Жаль, что Тонино сегодня нет в школе. Я как раз хотел вызвать его. Если заболел, будем надеяться, что не серьёзно.

И тут Тонино понял, что его желание неожиданно исполнилось — он действительно стал, как и хотел, невидимкой.

От радости он вскочил на свою парту, попрыгал по всем остальным, а потом, соскочив на пол, стал бегать по классу, дёргать ребят за волосы и расшвыривать их книги и тетради.

В классе поднялся шум.

Все стали возмущаться и даже ссориться.

Ребята обвиняли друг друга в том, чего никто не делал.

Ведь они не знали, что это проказы Тонино-невидимки.

А он, когда надоела наконец эта игра, вышел из школы и... сел в троллейбус!

И, разумеется, даже не подумал брать билет — ведь кондуктор всё равно его не видит.

Он нашёл свободное место и преспокойно уселся там.

А на следующей остановке в троллейбус вошла синьора с тяжёлой сумкой и опустила её как раз туда, где сидел Тонино, — она-то думала, что место не занято.

Тонино почувствовал, что сейчас задохнётся от тяжести.

А синьора вдруг закричала:

— Что творится в этом троллейбусе! Смотрите, кладу сумку на сиденье, а она повисает в воздухе!

На самом-то деле сумка лежала на коленях Тонино.

В троллейбусе заспорили, и почти все пассажиры стали бурно возмущаться плохой работой общественного транспорта.

Тонино поспешил выйти из троллейбуса и оказался в центре города, возле самой известной кондитерской. Тут он подошёл к прилавку и преспокойно стал наполнять свои карманы конфетами, шоколадками и всякими другими сладостями.

Продавщица, заметив, как пустеет прилавок, решила, что виноват в этом почтенный синьор, который покупал конфеты для своей старой тётушки.

Синьор возмутился:

— Я — вор?! Да знаете ли вы, с кем разговариваете? Да знаете ли вы, кто мой отец? Да знаете ли вы, кто мой дед?!

— И знать не желаю! — заявила продавщица.

— Как! Вы позволяете себе оскорблять моего деда?!

Поднялся невероятный скандал.

А Тонино-невидимка выбрался из кондитерской, вернулся в школу и увидел, как его одноклассники гурьбой спускаются по лестнице и шумной ватагой выбегают на улицу.

Но ребята не видели его.

Тонино напрасно старался обратить на себя их внимание — подбегал то к одному, то к другому мальчику, дёргал за волосы своего приятеля Роберто, предлагал тянучку Гвискардо...

Но они не видели и не слышали его!

Их взгляды проходили сквозь Тонино, словно через стекло.

Уставший и немного испуганный, Тонино вернулся домой.

Мама стояла на балконе, явно ожидая его.

— Я здесь, мамочка! — закричал Тонино. Но она не увидела и не услышала сына, а продолжала с тревогой высматривать его на улице.

— Папа, вот и я! — воскликнул Тонино, войдя в комнату и сев на своё место за обеденным столом.

Но отец не услышал его и продолжал ворчать:

— Что такое? Почему Тонино так долго нет? Не случилось ли с ним что-нибудь?

— Папа, но я ведь здесь! Мама, папа, я здесь! — кричал Тонино.

Но они не слышали сына.

Тонино заплакал, однако что толку от слёз, если их никто не видит!

— Не хочу больше быть невидимкой! — в отчаянии воскликнул Тонино. — Хочу, чтобы отец обрадовался мне, чтобы мама ругала, а учитель вызывал к доске... Хочу играть с ребятами! Ужасно плохо быть невидимкой, ужасно плохо быть одному!

Он вышел на улицу и спустился во двор.

— Отчего плачешь, Тонино? Что случилось? — спросил его старик, гревшийся на солнышке возле ворот.

— Ой, вы меня видите? — обрадовался Тонино.

— Вижу, а что? Каждый день вижу, как уходишь в школу и возвращаешься домой.

— А я почему-то никогда не замечал вас...

— Это я знаю. На меня никто не обращает внимания. Старый, одинокий старик... С какой стати ребята будут замечать меня? Я же для вас словно человек-невидимка...

— Тонино! — позвала в этот момент мать с балкона.

— Мама! Видишь меня?

— Ах, лучше бы и не видела, негодный мальчишка! Поднимайся наверх! Иди-ка сюда, иди! Сейчас отец покажет тебе!

— Бегу, мама, бегу! — обрадовался Тонино.
— И не боишься взбучки, которая тебя ожидает? —
удивился старик.

Тонино бросился ему на шею и расцеловал.

— Вы спасли меня!

— Ну, это уж слишком! — улыбнулся старик.

ВОПРОСЫ НАИЗНАНКУ

Жил однажды мальчик, который очень любил задавать вопросы.

Слов нет, любознательность очень похвальная черта, особенно у детей!

Но на вопросы, которые задавал этот мальчик, почему-то было очень трудно ответить.

Он спрашивал, например:

— Почему у ящиков есть столы?

Люди смотрели на него с удивлением и иногда отвечали:

— Ящики существуют для того, чтобы класть в них разные вещи, например ножи и вилки.

— Для чего нужны ящики — это мне известно,— возражал мальчик,— но я не знаю, почему у ящиков есть столы?

Люди качали головой и уходили, не желая продолжать разговор.

В другой раз мальчик спрашивал:

— Почему у хвоста есть рыба?

Или:

— Почему у усов есть кошка?

Люди пожимали плечами и спешили уйти.

Ведь у каждого свои дела.

Так мальчик и рос — что ни день, то несколько десятков вопросов.

Наконец он вырос, стал взрослым и по-прежнему без конца задавал всем свои странные вопросы.

Но люди не хотели отвечать ему.

Тогда он уединился в небольшом домике в горах и стал жить там в полном одиночестве.

И все дни его проходили одинаково: он с утра до вечера выдумывал вопрос за вопросом и записывал в тетрадь.

А потом сидел и ломал голову над ответами, но почему-то так и не находил их.

Он записывал, например, в своей тетради:

«Почему у тени есть сосна?»,

«Почему облака не пишут писем?»,

«Почему марки не пьют молоко?».

От такого множества вопросов у него, разумеется, начинала болеть голова. Но он не обращал на это внимания.

У него уже и борода отросла, а он всё продолжал сочинять вопросы. Он и не подумал постричь бороду, а только спрашивал себя:

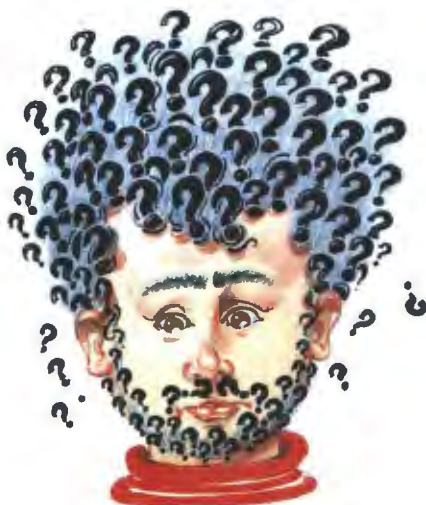
— Почему у бороды есть лицо?

Словом, очень странный это оказался человек.

Когда он умер, один учёный провёл специальное исследование и обнаружил, что тот с самого детства надевал носки наизнанку и ни разу в жизни не сумел надеть их правильно.

К сожалению, он так никогда и не научился задавать правильные вопросы.

Со многими ещё такое бывает.

ДОБРЫЙ ДЖИЛЬБЕРТО

Маленькому Джильберто очень хотелось поскорее всему научиться.

Поэтому он всегда прислушивался к тому, что говорят взрослые.

Как-то он услышал разговор двух женщин:

— Вы только посмотрите на Филомену! Как она любит свою маму! Она готова ей воду в ушах носить!

— Что верно, то верно!

«Прекрасные слова, — подумал Джильберто, — надо выучить их наизусть!»

Вскоре его позвала мама и попросила:

— Сходи-ка, Джильберто, к фонтану и принеси мне ведро воды.

— Иду! — обрадовался мальчик и подумал: «Вот и покажу сейчас маме, как люблю её! Принесу воды не в ведре, а в ушах!»

Прибежал к фонтану и подставил под струю голову.

И когда почувствовал, что в ухо налилась вода, поспешил обратно.

Воды в ухе набралось с напёрсток и, чтобы донести её до дома, ему пришлось идти, наклонив голову набок.

— Ну, где вода? — спросила мама. Она как раз собиралась стирать.

— Вот, мама! — ответил запыхавшийся Джильберто.

Однако, отвечая, он выпрямился, и вода, разумеется, вылилась из уха и потекла по шее.

Что делать?

Он опять побежал к фонтану и наполнил водой другое ухо.

Воды в нём набралось тоже с гулькин нос, и Джильберто снова пришлось идти, прижав голову к плечу, теперь уже к другому.

Когда пришёл домой, в ухе опять ничего не оказалось.

— Ну, принёс ты наконец воды? — начала сердиться мама.

«Может быть, у меня слишком маленькие уши?» — огорчился Джильберто.

А мама между тем совсем потеряла терпение.

Она решила, что Джильберто просто балуется у фонтана, и шлёпнула его сгоряча пару раз по мягкому месту.

Бедный Джильберто!

Он покорно стерпел это унижение и решил, что отныне будет носить воду только в ведре.

СЛОВО «ПЛАКАТЬ»

Этой истории ещё не было, но она непременно произойдёт Завтра.

Вот эта история.

В тот день, который называется «Завтра», одна старенькая учительница построила своих учеников парами и повела в Музей Прошлого, где собраны вещи, которые давно уже никому не нужны.

Такие, например, как царская корона, шлейф королевы, печатная машинка, канцелярские счёты...

Все эти и многие другие вещи ребята рассматривали с огромным удивлением и без объяснений учительницы ни за что не догадались бы, как и зачем ими пользовались когда-то в давние-давние времена.

В одной небольшой запylённой витрине лежало под стеклом слово «плакать».

Школьники Завтрашнего Дня прочитали этикетку с названием и ничего не поняли.

— Синьора учительница, а что это такое?

— Наверное, старинное украшение?

— Может быть, что-нибудь этрусское?

Синьора учительница объяснила им, что раньше, очень-очень давно, это слово употребляли часто, потому что тогда людям приходилось терпеть много горя и страданий.

Впрочем, что означают эти слова, ребята тоже не поняли.

Учительница показала им небольшой стеклянный сосуд и сказала, что в нём хранятся слёзы, которые, возможно, пролил несчастный раб, избитый хозяином, или мальчик, оставшийся без крова и родителей.

— Но эти слёзы похожи на воду! — заметил один школьник.

— Да, но они обжигают! — пояснила учительница.

— Я понял! Их, должно быть, кипятили перед употреблением! — догадался кто-то.

Нет, совсем ничего не понимали эти школьники!

Под конец им стало просто скучно.

А учительница повела ребят дальше, в другие залы музея, где они увидели много других, ещё более непонятных вещей.

Здесь хранились: тюремная решётка, чучело сторожевой собаки, дверной замок, угольные чугунные утюги, кофемолка, чернильница-непроливайка, галоши, иголка для примусов-керосинок, перьевая ручка, щипчики для колки сахара, чемодан без колёсиков, огромная линза для телевизора, магнитофонная аудиокассета, видеокассета, рукописные письма, огромный телефонный справочник, фотоувеличитель, газета, наручные часы и ещё множество других столь же необычных, интересных, но совершенно бесполезных предметов.

Всё это вещи, которых давно уже нет в счастливейшей Стране Завтрашнего Дня.

ПЕРЕКОРМИТНОЕ ВОСПАЛЕНИЕ

Когда девочка болеет, её куклы тоже должны болеть — за компанию, чтобы не скучала.

К девочке приходит врач, а к куклам — дедушка.

Он осматривает их, прописывает лекарства и своей шариковой ручкой делает каждой кукле много уколов.

— Знаете, доктор, этот ребёнок заболел,— говорит девочка.

— Ну что ж, посмотрим, что с ним. Дыши глубже, так, так... О! Ай-я-яй! Так я и думал! По-моему, у него неплохой *капризит*.

— А это опасно, доктор?

— Чрезвычайно! Дайте ему микстуру из синего карандаша и растирайте перед сном фантиком от мятной карамельки.

— А вот эта девочка, вам не кажется, доктор, тоже нездорова?

— О, да она просто совсем больна! Это видно и без бинокля!

— Ой! А что с ней случилось?

— Гм, сейчас посмотрим... Так... Так... У неё немножко *простудинки*, чуть-чуть *грустинки* и острый приступ *клубничного перекормита*.

— Ой, как страшно! Неужели она умрёт?!

— Нет, это ей не грозит. Но лекарство не помешает. Дайте ей три пилюли *зефирина*, четыре *вафеллина* и пять таблеток *шоколадина*. Только растворите их сначала в стакане чистой воды. А стакан возьмите непременно зелёный. От красного стакана у неё могут разболеться зубы. Можно, пожалуй, дать ещё двадцать капель *ябло-сока*.

И вот в одно прекрасное утро девочка просыпается совершенно здоровая.

Доктор разрешает ей встать с постели.

Но дедушка хмурится и, пока мама достаёт одежду, хочет убедиться, что она поправилась.

— Ну, что ж, посмотрим, — говорит он. — Скажи-ка «тридцать три». Так! А теперь — «перепепе». Отлично! И спой что-нибудь... Ну, что ж, всё в порядке! У тебя было самое обычное *перекормитное воспаление*.

ВОСКРЕСНОЕ УТРО

У синьора Чэзаре была хорошая привычка всё делать по всем правилам.

Особенно по воскресеньям, когда он вставал позже обычного.

Сначала он долго бродил по квартире в одной пижаме, потом — уже часов в одиннадцать — начинал бриться, не запираясь при этом в ванной комнате.

Именно этого момента и ожидал с нетерпением Франческо.

Мальчику исполнилось всего шесть лет, но у него уже явно определилась склонность к медицине и хирургии.

Франческо брал из домашней аптечки пакетик ваты, флакон с одеколоном, пластырь, входил в ванную и усаживался на скамеечку в ожидании, когда понадобится его помощь.

— Ну что? — спрашивал синьор Чезаре, намыливая лицо.

В другие дни недели он брился электрической бритвой, а в воскресенье взбивал, как в старые времена, мыльную пену и брался за безопасную бритву.

— Ну что?

Франческо молчал, ёрзая на скамеечке.

— Я всё жду, — объяснял мальчик, — вдруг поранишься... Тогда полечу тебя.

— Хорошо, — соглашался синьор Чезаре.

— Только не делай этого нарочно, как в прошлое воскресенье! — строго предупреждал Франческо. — Нарочно не считается!

— Ну, конечно, конечно! — соглашался синьор Чезаре.

Но ему никак не удавалось порезаться нечаянно.

Он старался, старался, но никак не получалось.

Сколько ни пытался, ничего не выходило.

Он очень хотел быть невнимательным и неосторожным, но не мог.

Наконец каким-то образом всё-таки ухитрился порезать себе щёку.

И тогда Франческо принимался за дело.

Он снимал ваткой чуточку крови, протирал ранку одеколоном и заклеивал пластырем.

Так синьор Чезаре каждое воскресенье дарил своему сыну капельку крови.

А Франческо всё больше убеждался, что у него очень рассеянный и неосторожный отец.

КАК ПОСКОРЕЕ УСНУТЬ

Жила-была однажды девочка, которая каждый вечер, когда надо ложиться спать, становилась маленькой-премаленькой.

— Мама, — говорила она, — я стала муравьишкой!

И мама понимала, что пора укладывать девочку спать.

А утром она просыпалась, едва всходило солнце, но по-прежнему оставалась маленькой-маленькой.

Такой маленькой, что вся свободно умещалась на подушке.

И ещё места оставалось немного.

— Вставай! — говорила мама.

— Не могу, — отвечала девочка, — не могу, я ещё слишком маленькая. Как бабочка! Подожди, пока подрасту.

А потом вдруг радостно восклицала:

— Ну вот, я и выросла!

Весело вскакивала с постели, и начинался новый солнечный день.

ПРОЗРАЧНЫЙ ДЖАКОМО

Как-то раз в одном далёком городе появился на свет прозрачный ребёнок.

Да, да, прозрачный!

Сквозь него можно было смотреть, как сквозь родниковую воду или чисто вымытое стекло.

Конечно, Джакомо — так звали мальчика, — как и все люди, был из плоти и крови, только казалось, будто он стеклянный.

Но когда он падал, то не разбивался вдребезги.

Самое большее — у него вырастала на лбу огромная прозрачная шишка.

Все хорошо видели, как бьётся его сердце и пульсирует кровь, а главное, могли свободно читать его мысли, которые носились у него в голове, словно стайка рыбок в аквариуме.

Однажды Джакомо нечаянно солгал, и люди тотчас увидели, что в голове его будто запылал огненный шар.

Мальчик тут же поправился — сказал правду, и шар исчез.

С тех пор он ни разу за всю свою жизнь не сказал ни слова лжи.

Прошло время, мальчик вырос, стал юношей, потом взрослым человеком, но каждый по-прежнему мог легко читать все его мысли.

Ему даже не приходилось вслух произносить ответ, когда о чём-либо спрашивали.

Люди прозвали его Прозрачный Джакомо и любили за честность и за то, что рядом с ним все тоже становились честными и добрыми.

Но вот в один несчастный день в стране произошёл переворот и к власти пришёл жестокий тиран.

Настали очень тяжёлые времена.
Народ страдал от казней, несправедливостей и нищеты.
Те, кто осмеливался протестовать против насилия, сразу же бесследно исчезали.

Тех же, кто открыто восставал, немедленно расстреливали.

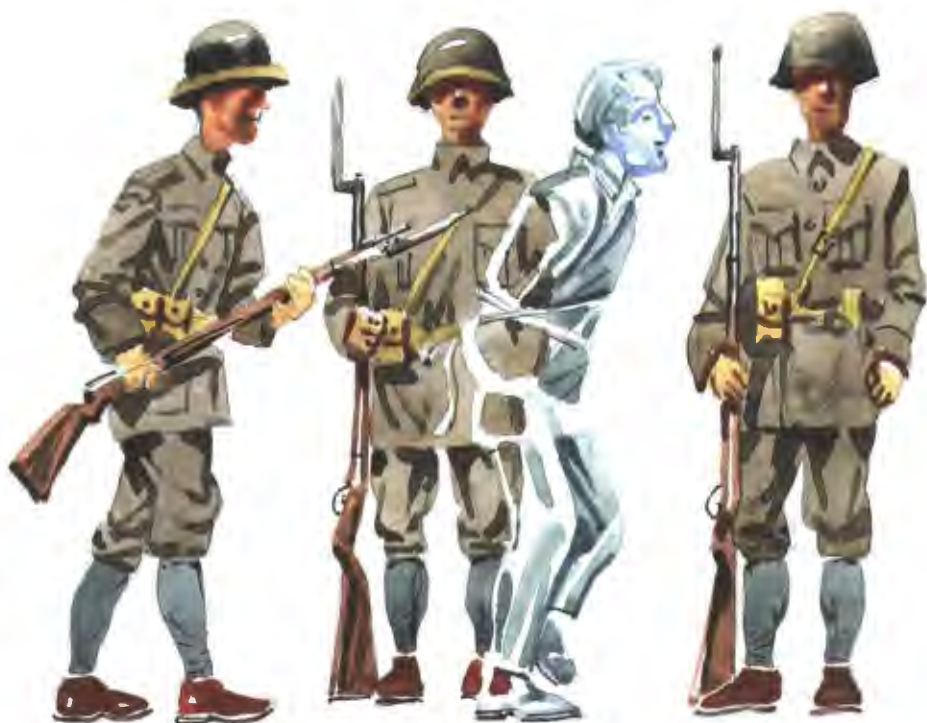
А остальных, запуганных и униженных, тоже преследовали всеми способами.

Люди молчали и в страхе терпели всё.

Но Джакомо не мог молчать.

Потому что, даже когда он не произносил ни слова, все читали его мысли.

Ведь он был прозрачным, и все видели, как возмущается он несправедливостью и насилием, как шлёт проклятия тирану.

Народ тайком повторял мысли Джакомо и постепенно начинал обретать надежду.

Узнав про это, тиран приказал арестовать Прозрачного Джакомо и бросить в самую мрачную тюрьму.

И тогда случилось невероятное.

Стены камеры, в которую заключили Джакомо, тоже вдруг сделались прозрачными, а потом и вся тюрьма превратилась словно в стеклянную!

И люди, проходившие мимо, видели Джакомо, сидевшего в своей камере, и по-прежнему читали его мысли.

А ночью тюрьма стала излучать такой яркий свет, что тиран приказал опустить в своём дворце все шторы, но всё равно не мог спать спокойно.

Прозрачный Джакомо, даже закованный в цепи, посаженный в самую мрачную тюрьму, оказался сильнее тирана.

Это потому, что правда сильнее всего на свете — она ярче дневного света, сильнее любого урагана.

МАРТЫШКИ-ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ

Однажды мартышки, что живут в зоопарке, решили отправиться в путешествие, чтобы расширить своё представление об окружающем мире.

Шли они, шли, а потом остановились, и одна из них спросила:

— Итак, что же мы видим?

— Клетку льва, бассейн с моржами и дом жирафа, — ответила другая.

— Как огромен мир! И как полезно путешествовать! — решили мартышки.

Они двинулись дальше и присели передохнуть только в полдень.

— И что же видим теперь?

— Дом жирафа, бассейн с моржами и клетку льва!

— Какой странный этот мир! Впрочем, путешествовать, конечно, полезно!

Они снова тронулись в путь и завершили путешествие только на заходе солнца.

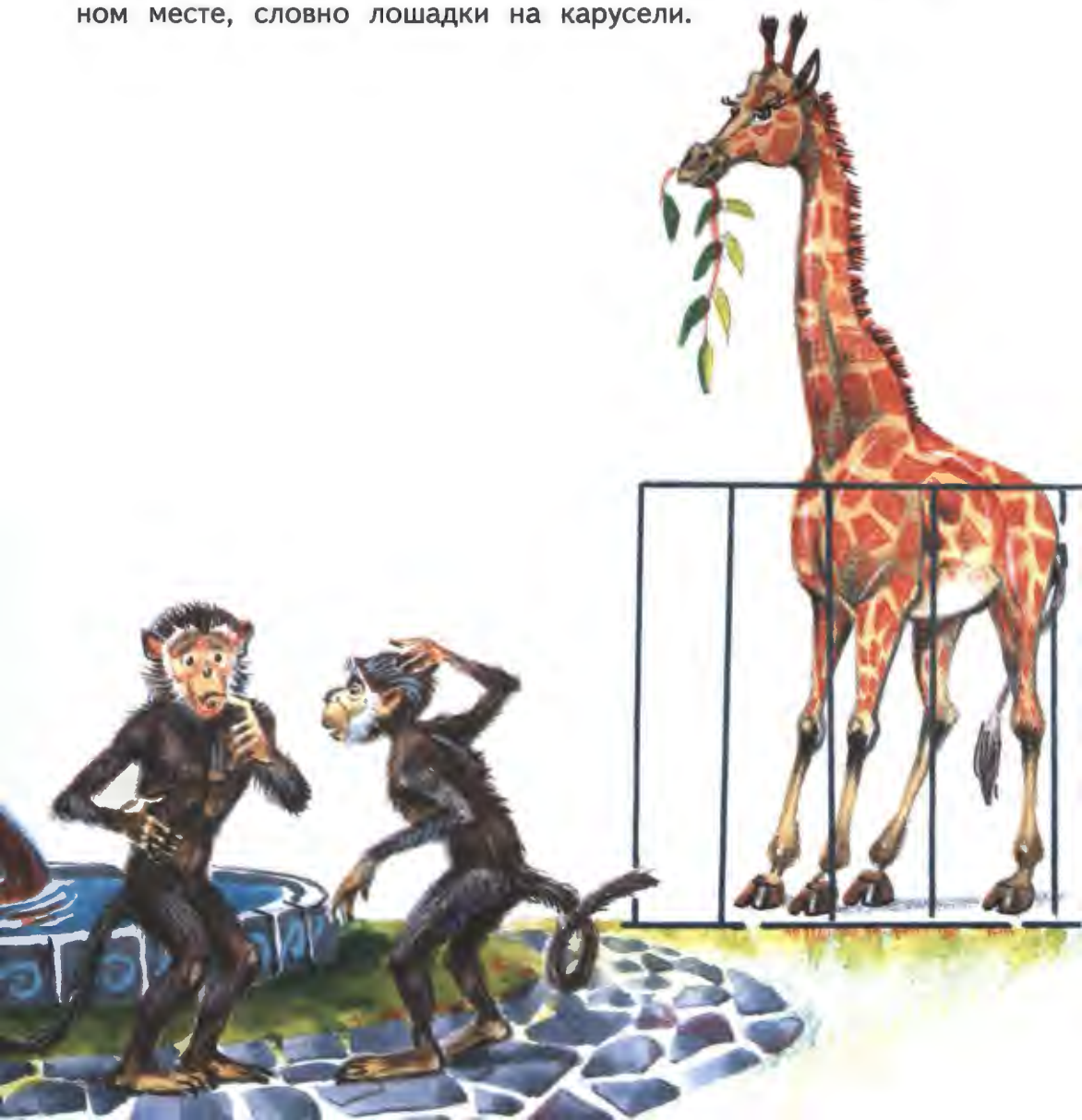
— Ну, а теперь что перед нами?

— Клетка льва, бассейн с моржами и дом жирафа.

— Какой скучный этот мир! Всё время одно и то же. Хотя бы какое-нибудь разнообразие! Нет никакого смысла странствовать по свету!

Ещё бы! Путешествовать-то они путешествовали, да только не выходя из клетки,— вот и кружились на одном месте, словно лошадки на карусели.

СИНЬОР КАПРИЗУЛЛИ

Синьор Капризулли слыл ужасно изнеженным человеком. Вы даже представить себе не можете, каким изнеженным!

Если, например, по стене ползла сороконожка, он уже не мог уснуть и жаловался на жуткий грохот.

Ну, а если уж муравьишка нечаянно ронял на пол крупинку сахара, он в ужасе подскакивал и кричал:

— Караул! Землетрясение!

Понятное дело, он терпеть не мог детей, совершенно не выносил грозу и люто ненавидел мотоциклы.

Но больше всего ему, пожалуй, досаждала пыль под ногами, так что он даже не желал сам передвигаться по земле, а заставлял своего слугу-силача носить себя на руках.

Слугу звали Гульельмо, и синьор Капризулли целыми днями только и делал, что кричал ему:

— Осторожно, Гульельмо! Осторожно! Ещё осторожней! Не урони меня, а то разобьюсь!

Оттого, что синьор Капризулли совсем не двигался, он стал толстеть, и чем больше толстел, тем капризнее становился.

Под конец ему стали досаждать даже мозоли на руках Гульельмо.

— Да что же это такое, Гульельмо! — возмущался он. — Сколько раз уже я велел тебе надевать перчатки, когда носишь меня!

Гульельмо вздыхал и с трудом натягивал огромные, толстые перчатки.

А синьор Капризулли с каждым днём всё больше толстел и становился всё тяжелее.

Теперь даже зимой бедняга Гульельмо так обливался потом, поднимая его, словно на дворе стояла июльская жара.

И вот однажды он подумал: «Интересно, а что будет, если я возьму и сброшу этого синьора с балкона?»

Как раз в этот день синьор Капризулли нарядился в белый полотняный костюм.

И когда Гульельмо сбросил его с балкона, он упал прямо на ту самую малюсенькую точечку, какую оставляют иногда после себя мухи, и на брюках его появилось крохотное пятнышко.

Разглядеть его можно было только в сильную лупу, но синьор Капризулли оказался таким капризным человеком, что и без всякой лупы тут же умер от огорчения.

ОДИН И СЕМЕРО

Я знаю одного мальчика...

Впрочем, нет, это не один мальчик, а семеро.

Да, да, судите сами!

Он живёт в Риме, зовут его Паоло, и отец его — водитель трамвая.

Но живёт он и в Париже, зовут его Жан, и отец его работает на автомобильном заводе.

Он живёт и в Берлине, зовут его Курт, и отец его — виолончелист, играет в оркестре.

Он живёт и в Москве, зовут его Юра, точно так же, как Гагарина, и отец его каменщик, а кроме того, изучает математику.

А ещё он живёт в Нью-Йорке, там его зовут Джимми, и его отец держит бензоколонку.

Сколько я вам уже назвал?

Пятерых.

Не хватает двоих.

Одного зовут Чу, он живёт в Шанхае, и отец его рыбак.

И наконец, последний мальчик — это Пабло, он живёт в Буэнос-Айресе, и отец его маляр.

Паоло, Жан, Курт, Юра, Джимми, Чу и Пабло — мальчиков вроде бы семеро, но всё равно это один и тот же мальчик, которому восемь лет, он умеет читать, писать и кататься на велосипеде, не держась за руль.

Ну и что же, что у Паоло тёмные волосы, а у Жана светлые.

Неважно, что у Юры белая кожа, а у Чу — жёлтая.

Разве так уж важно, что Паоло, когда приходит в кино, слышит там итальянскую речь, а для Джимми экран разговаривает по-английски.

Смеются-то они все на одном языке!

Теперь все семь мальчиков выросли.

И они никогда не станут воевать друг с другом, потому что все семь мальчиков — это один и тот же мальчик!

ПРО ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ ХОТЕЛ УКРАСТЬ КОЛИЗЕЙ

Как-то раз один человек задумал украсть знаменитый Римский Колизей — памятник античной архитектуры, построенный более двух тысячелетий назад.

Ему вдруг захотелось, чтобы Колизей принадлежал теперь ему одному.

«Почему, — недоумевал он, — я должен делить его со всеми? Хочу, чтобы он принадлежал только мне!»

Недолго думая, он взял большую сумку и отправился к Колизею.

Там подождал, пока сторож отошёл на минутку, быстро наполнил сумку камнями из развалин древнего здания и отнёс домой.

На другой день проделал то же самое.

И с тех пор каждое утро, кроме воскресенья, он совершал незаметно от сторожей по крайней мере два, а то и три таких рейса.

В воскресенье он отдыхал и пересчитывал украденные камни, которые грудой лежали в подвале. Когда там уже не осталось места, начал складывать их на чердаке.

А когда и чердак целиком заполнился, стал засовывать камни под диваны, в шкафы и даже в корзину для белья.

Каждый раз, приходя к Колизею, он внимательно осматривал его со всех сторон и замечал про себя:

«Он по-прежнему выглядит огромным, но, если приглядеться, разница всё-таки есть! Вон там и вот тут уже немного меньше камней осталось!»

Он вытирал пот со лба и выковыривал из стены ещё один кирпич, выбивал из арки ещё один камень и прятал в сумку.

Мимо него проходили толпы туристов с раскрытыми от восхищения ртами.

А он ухмылялся про себя:

«Удивляетесь? Ну-ну! Посмотрю я, как удивитесь, когда в один прекрасный день не найдёте здесь Колизея!»

Порой случалось ему остановиться у газетного киоска, где продаются открытки с видами грандиозного античного амфитеатра.

И глядя на них, он всегда приходил в хорошее настроение.

Правда, сразу же спохватывался и притворялся, будто сморкается, чтобы не увидели, как смеётся:

«Хе-хе! Открытки! Подождите, скоро только по открыткам и будете вспоминать Колизей!»

Шли месяцы, годы.

Украденные камни громоздились теперь под кроватью, заполнили кухню, оставив лишь узкий проход к плите.

Камнями заполнились ванная комната и ванна, а коридор превратился в тесную траншею.

Но Колизей по-прежнему стоял на своём месте и пострадал от воровства не больше, чем лошадь от укуса комара.

Бедняга вор сильно постарел за это время и совсем отчаялся.

«Неужели, — думал он, — неужели я ошибся в своих расчётах? Наверное, легче было бы украсть купол собора Святого Петра! Ну да ладно, надо набраться мужества и терпения. Взялся за дело — надо довести его до конца».

Однако каждый поход к Колизею давался ему теперь всё труднее. Сумка оттягивала руки, а они к тому же были все в ссадинах.

И когда однажды он почувствовал, что жить ему осталось недолго, то в последний раз пришёл к Колизею и с трудом поднялся по ступеням на самый верх.

Заходящее солнце окрашивало древние руины золотом и багрянцем.

Но старик ничего не видел, потому что слёзы застилали ему глаза.

Он надеялся, что побудет здесь, наверху, в одиночестве, но уже через минуту на балюстраду высыпала толпа туристов, которые пришли полюбоваться с высоты Колизея Римом и на разных языках выражали своё восхищение.

И вдруг среди этого разноречивого хора старый вор различил тонкий детский голосок:

— Это же мой Колизей, правда, мама? Мой? — спрашивал какой-то мальчик.

Как фальшиво, как неприятно прозвучали эти слова здесь, среди такой красоты!

Только теперь старик понял это и захотел было сказать об этом мальчику, захотел научить его говорить «наш» вместо «мой»...

Но у него уже не хватило сил...

ЛИФТ К ЗВЁЗДАМ

Когда Ромолетто исполнилось тринадцать лет, его взяли на работу в бар «Италия».

Так он стал рассыльным.

Это значит, выполнял разные мелкие поручения и доставлял заказы на дом.

Целыми днями Ромолетто только и делал, что поднимался и спускался по лестницам, неся поднос, уставленный множеством рюмок, чашек и стаканов.

Наверное, поэтому Ромолетто терпеть не мог лестницы.

В Риме, как, впрочем, и во многих других городах, все привратники

очень ревниво оберегают свои лифты и стараются, чтобы ими поменьше пользовались, особенно рассыльные из бара, молочницы, продавцы фруктов и другие простые люди.

Привратники эти либо сами дежурят на страже у лифта, либо вывешивают грозные предупреждения.

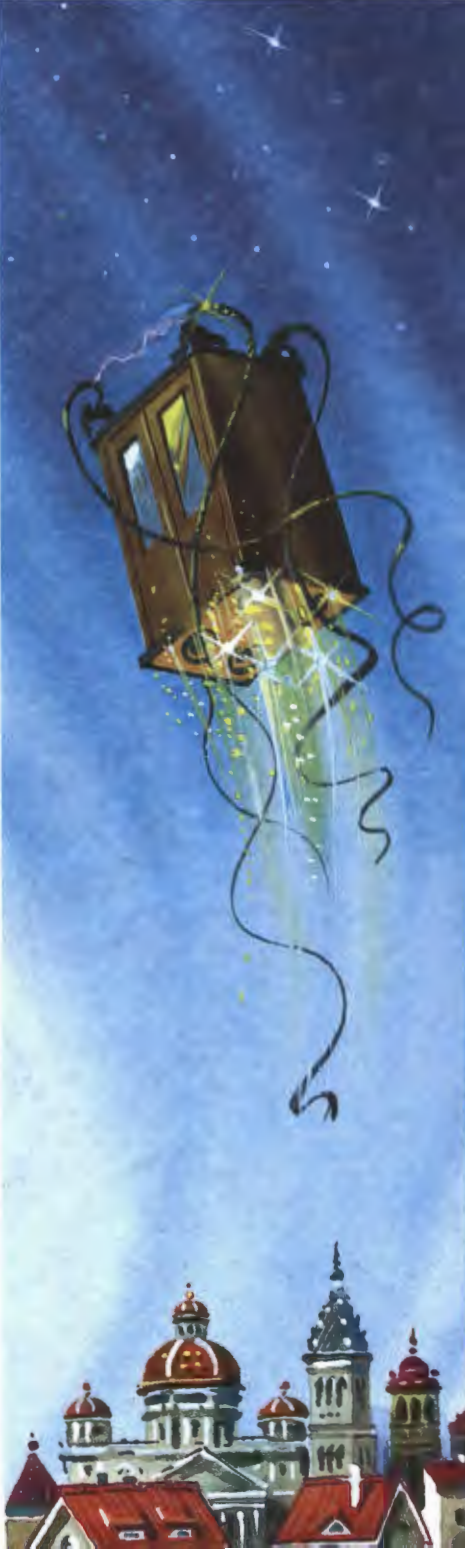
Однажды утром в бар позвонили из квартиры двадцать семь в доме сто три и потребовали четыре кружки пива и чай со льдом.

— Только немедленно, иначе выброшу всё за окно! — добавил сердитый голос.

Это говорил старый маркиз Венанцио, который наводил ужас на поставщиков продуктов. В доме сто три лифт оберегался особенно строго, но Ромолетто знал, как можно обмануть бдительность привратницы, дремавшей в своей каморке.

Он незаметно прошмыгнул в кабину, опустил в щель пускового автомата пять лир, нажал кнопку пятого этажа, и лифт со скрипом двинулся вверх.

Вот второй этаж, вот третий, а после четвёртого этажа лифт и не подумал остановиться или замедлить ход, потом неожиданно ускорил движение и проскочил мимо площадки пятого этажа, где жил маркиз Венанцио.

Ромолетто даже удивиться не успел, как лифт взлетел так высоко, что уже весь Рим оказался внизу как на ладони.

А лифт всё летел и летел вверх.

Со скоростью ракеты нёсся он в небо, голубое-голубое...

— Прощайте, маркиз Венанцио! — прошептал Ромолетто, чувствуя, как у него мурашки бегут по коже.

Левой рукой он по-прежнему удерживал в равновесии поднос со стаканами.

Смешно, конечно, потому что лифт уже давно летел в межпланетном пространстве, и Земля голубела далеко внизу в бездонной глубине космоса.

Она вертелась вокруг своей оси, всё дальше и дальше унося маркиза Венанцио, ожидавшего пива и чая со льдом.

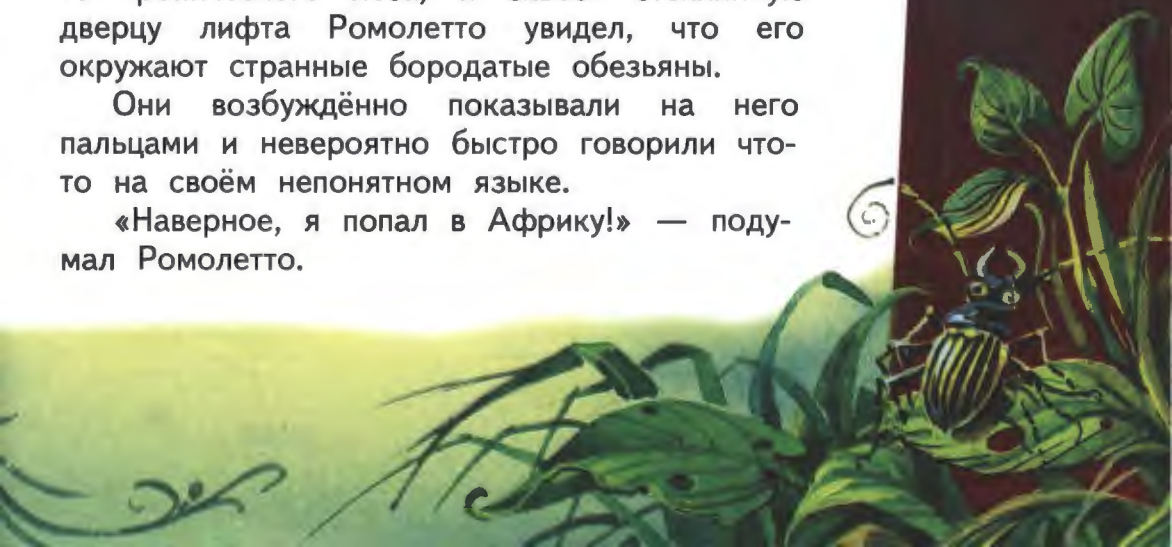
«По крайней мере, хоть не с пустыми руками явлюсь к марсианам!» — решил Ромолетто и зажмурился, а когда открыл глаза, лифт уже опускался, и мальчик вздохнул с облегчением.

«В конце концов, чай всё равно холодный», — подумал мальчик.

Но оказалось, радоваться нечему, потому что лифт опустился в самой чаще какого-то тропического леса, и сквозь стеклянную дверцу лифта Ромолетто увидел, что его окружают странные бородатые обезьяны.

Они возбуждённо показывали на него пальцами и невероятно быстро говорили что-то на своём непонятном языке.

«Наверное, я попал в Африку!» — подумал Ромолетто.

Но тут обезьяны расступились, и он вдруг увидел огромного шимпанзе в синем форменном мундире и фуражке, который ехал ему навстречу на большущем трёхколёсном велосипеде.

«Полиция! Спасайся, Ромолетто!»

Не теряя ни секунды, мальчик из бара «Италия» нажал на первую же попавшуюся кнопку.

И лифт со сверхзвуковой скоростью снова взлетел в небо.

Спустя какое-то время Ромолетто взглянул вниз и понял, что планета, с которой он улетал, никак не могла быть Землёй: её моря и континенты имели совсем другие очертания, чем на школьной географической карте.

К тому же Земля из космоса выглядела голубым шариком, а эта планета оказалась какого-то странного цвета — зелёно-фиолетового!

«Должно быть, это Венера! — подумал Ромолетто. — Но что я скажу маркизу Венанцио?»

Он потрогал кружки на подносе — такие же холодные, как и в тот момент, когда вынес их из бара.

В общем-то, если разобраться, с тех пор прошло всего несколько минут.

А лифт между тем с невероятной скоростью пронёсся через громадное пустынное пространство и снова стал опускаться.

На этот раз Ромолетто сразу понял, что его ждёт:

«Только этого не хватало! На Луну садимся! Что мне тут делать?»

Тем временем знаменитые лунные кратеры приближались с фантастической быстротой.

Ромолетто уже хотел нажать ещё на какую-нибудь кнопку, но вовремя спохватился.

«Стоп! — приказал он сам себе. — Прежде надо подумать!»

И внимательно рассмотрел панель.
Рядом с каждой кнопкой стояла какая-нибудь цифра.
И только последняя кнопка внизу светилась красной
буквой «З».

Наверное, это Земля!

«Попробуем», — вздохнул Ромолетто.

Он нажал на эту кнопку, лифт тотчас изменил направление и спустя несколько минут уже оказался над Римом, над крышей дома сто три, промчался мимо лестничных площадок и приземлился возле знакомой привратницы.

Она, конечно же, и не догадывалась, в каком удивительном межпланетном путешествии побывал Ромолетто, и по-прежнему спокойно дремала.

Ромолетто выскочил из лифта, даже не закрыв за собой дверь, и пешком поднялся на пятый этаж.

Он позвонил в дверь квартиры двадцать семь и, опустив голову, молча выслушал сердитого маркиза Венанцио:

— Ну, и где ты пропадал столько времени?! Ведь с тех пор, как я заказал это проклятое пиво и этот несчастный холодный чай, прошло целых четырнадцать минут! На твоём месте Гагарин уже давно был бы на Луне!

«И даже дальше!» — подумал Ромолетто, но промолчал.

К счастью, напитки ещё оставались холодными ровно настолько, насколько нужно.

Да, немало приходится побегать за целый день рассыльному из бара «Италия», который разносит заказы по домам...

ТРОЛЛЕЙБУС НОМЕР 75

Однажды утром троллейбус номер 75, который ходит от аристократического района Рима Монтеверде Веккьо до площади Фьюме, вместо того, чтобы спуститься к богатому на развлечения району Трастевере, направился совсем в другую сторону.

Он свернул к холму Джаниколо, вырулил затем на старую дорогу Аурелия Антика и через несколько минут уже мчался, словно очумелый от весеннего солнца заяц, по лугам, что раскинулись в окрестностях Рима.

В это время пассажирами троллейбуса были, как обычно, служащие.

И все читали газеты. Даже те, кто не покупал их, — читали через плечо соседа.

Вдруг один синьор, переворачивая страницу, случайно взглянул в окно и страшно удивился:

— Кондуктор, а что случилось? Куда мы едем? Почему такое самоуправство?

Другие пассажиры тоже оторвались от газет и тоже возмутились:

— Что думает водитель?

— Да он сошёл с ума! Свяжите его!

— Что за порядки!

Отсюда рукой подать до Чивитавеккья, а там уже начинаются загородные дачи!

Между прочим, чтобы понять выражение — «рукой подать до Чивитавеккья», надобно знать, что это городок на берегу Тирренского моря в 80 километрах от Рима.

— Боже мой! Уже без десяти девять, а ровно в девять я должен быть в суде! — закричал адвокат. — Если проиграю процесс, подам в суд на троллейбусное управление.

Кондуктор и водитель оправдывались, как могли.

Они объясняли, что ничего поделать не могут: троллейбус больше не повинуетсЯ им и сам едет куда вздумается.

Тут троллейбус и в самом деле сошёл с дороги, проехал по полю и остановился на лужайке у небольшого лесочка, благоухающего свежей зелёной листвой.

— Ой, цикламены! — обрадовалась одна синьора.

— Самый раз сейчас думать о цикламенах! — рассердился адвокат.

— А знаете, что я вам скажу, — возразила синьора, — пусть я приеду в своё министерство с опозданием... Мне, конечно, за это снимут голову... Но раз уж мы тут, хочу нарвать цикламенов! Уже десять лет, как я не собирала цветов!

Она вышла из троллейбуса, вдохнула всей грудью чистый, свежий воздух этого удивительного утра и принялась собирать букетик.

Видя, что троллейбус и не думает никуда ехать, один за другим вышли на полянку и другие пассажиры.

Одни — чтобы размять ноги, другие — желая просто пройтись немного.

И вскоре плохое настроение у всех растаяло, как туман на солнце.

Кто-то сорвал маргаритку и сунул её себе в петличку, а кто-то нашёл совсем ещё зелёную ягодку земляники и радостно закричал:

— Это я нашёл её! Смотрите, сейчас оставлю здесь свою визитку и, когда земляничка поспеет, приду за ней! И пусть только кто-нибудь посмеет тронуть её!

И что вы думаете? Он и в самом деле достал визитку, наколот её на прутик и воткнул в землю рядом с земляничкой.

И все смогли прочитать: «Профессор Джулио Боллати».

Между тем двое чиновников из министерства просвещения скомкали свои газеты в большой бумажный шар и принялись играть в футбол. И всякий раз, когда ударяли по своему самодельному мячу, громко кричали:

— Гол! Гол!

Короче, пассажиры уже несколько не походили больше на тех серьёзных и солидных людей, которые минуту назад так возмущались водителем и кондуктором.

А те, пользуясь случаем, достали свёрток с бутербродами и устроили небольшой завтрак на свежем воздухе, угощая друг друга.

— Смотрите! — закричал вдруг адвокат.

Оказывается, троллейбус тронулся и медленно поехал по полянке.

Пассажиры еле успели сесть в него уже на ходу.

Последней вскочила в троллейбус синьора с цикламенами.

Она возмущалась:

— Ну разве так можно! Я только-только начала собирать цветы и отдыхать!..

— Интересно, сколько времени мы уже здесь? — спросил кто-то.

— Ух, наверное, очень давно.
И все посмотрели на свои часы.
Как странно: они по-прежнему показывали без десяти девять!
Видно, пока длилась эта маленькая загородная прогулка, стрелки часов стояли.
Выходит, это оказалось время, просто подаренное людям.

— Но этого не может быть! — воскликнула синьора, которая любила цикламены.

А троллейбус снова шёл по своему маршруту и уже сворачивал на виа Дандоло.

Удивлялись все.

А ведь каждый держал перед глазами газету, где на самом верху страницы ясно была обозначена дата — 21 марта, день весеннего равноденствия. Это значит, день по продолжительности почти равен ночи.

А в такой необыкновенный весенний день, к тому же раз в году, всё возможно!

СТРАНА, ГДЕ ЖИЛИ ОДНИ СОБАКИ

Была когда-то на свете очень маленькая и очень необычная страна. Она вся состояла из девяноста девяти домиков. Каждый домик окружал маленький садик с забором, и за каждым забором жила собака! И каждая лаяла.

Возьмём, к примеру, домик номер один.

Здесь жил пёс по кличке Верный.

Он ревниво охранял свой домик от соседей и, чтобы никто не подумал, будто он плохо несёт свою службу, долго и громко лаял всякий раз, когда мимо проходили жители других девяноста восьми домиков, независимо от того, кто это: женщина, мужчина или ребёнок.

Точно так же поступали остальные девяноста восемь собак.

Так что, сами понимаете, забот у них было выше головы: лаять приходилось с утра до вечера и даже ночью, потому что всегда ведь кто-нибудь шёл по улице.

А вот другой пример.

Синьор, который жил в домике номер девяноста девять, возвращаясь с работы, должен был пройти мимо всех девяноста восьми домиков, а значит, и мимо девяноста восьми собак, которые лаяли и рычали ему вслед, обнажая клыки и давая понять, что охотно вцепились бы в его лодыжку.

То же самое происходило с жителями других домиков, так что на улице всегда кто-нибудь дрожал от страха.

Ну, а теперь представьте, что творилось, когда в эту страну попадал чужестранец.

Тогда лаяли сразу все девяносто девять собак, все девяносто девять хозяев выходили на крыльцо посмотреть, что случилось, а потом торопливо возвращались в дом, быстро запирали дверь, закрывали ставни и сидели тихо-тихо, подглядывая в щёлочку за незнакомцем, пока тот шёл по улице.

От непрерывного собачьего лая жители этой страны постепенно оглохли и почти перестали разговаривать друг с другом.

Впрочем, им и говорить-то было не о чем.

Потому что, сидя всё время молча, насупившись, они постепенно вообще разучились изъясняться по-человечески.

Ну, и, в конце концов, случилось так, что хозяева домиков тоже стали лаять, как собаки.

Возможно, они думали при этом, что разговаривают как люди, но на самом деле, когда открывали рот, слышалось только что-то вроде «Гав, гав!», и звучало это так страшно, что даже мурашки бежали по коже.

Так и повелось в той стране: лаяли собаки, лаяли мужчины и женщины, лаяли дети, когда играли во дворе.

И девяносто девять домиков казались девяноста девятью собачьими конурами.

Однако с виду домики выглядели аккуратными, на окнах висели занавесочки, за стёклами цвела герань, и даже другие цветы — на балконах.

Однажды попал в эту страну Джованнино по прозвищу Бездельник. Он забрёл туда, совершая одно из своих знаменитых путешествий.

Девяносто девять собак встретили его концертом, от которого даже каменная тумба превратилась бы в неврастеника!

Удивившись, Джованнино спросил у одной женщины, что всё это значит, и та только гавкнула ему в ответ.

Джованнино сказал что-то ласковое какому-то малышу и услышал в ответ злобное рычание.

— Я понял! — воскликнул Джованнино по прозвищу Бездельник. — Это эпидемия!

Тогда он отправился к самому главному городскому начальнику и сказал ему:

— Я знаю верное средство, которое поможет горожанам вылечиться. Прежде всего прикажите снести все заборы — сады отлично будут цвести и без них. Во-вторых, отправьте всех собак на охоту — они развлекутся и, увидите, станут добрее. В-третьих, устройте большой бал, и после первого же вальса все люди снова заговорят по-человечески.

— Гав-гав! — ответил ему начальник.

— Я понял! — воскликнул Джованнино по прозвищу Бездельник. — Самый безнадежный больной тот, кто думает, будто он здоров.

И отправился путешествовать в другие страны.

Если услышите ночью, что где-то лает несколько собак, может статься, это и настоящие собаки, но вполне возможно, это лают жители той самой маленькой несчастной страны.

КАК УБЕЖАЛ ПУЛЬЧИНЕЛЛА

Во всём старом кукольном театре марионеток нет куклы беспокойнее Пульчинеллы. Всегда-то он чем-то недоволен и вечно с кем-нибудь спорит.

То в самый разгар репетиции ему вдруг хочется пойти погулять, то он сердится на хозяина-кукольника за то, что ему дают комическую роль, а не трагическую, о которой всегда мечтал.

— Знаешь,— признался он как-то Арлекину, — в один прекрасный день возьму и убегу!

Да так и сделал.

Правда, произошло это не днём, а ночью.

Как только все уснули, Пульчинелла взял ножницы, которые хозяин забыл спрятать в шкаф, перерезал одну за другой все нитки, привязанные к его голове, рукам и ногам, и предложил Арлекину:

— Бежим вместе!

Но Арлекин не мог расстаться с Коломбиной.

Он и слышать не хотел о бегстве без неё!

А Пульчинелла вовсе не соби-
рался брать с собой и эту кривля-
ку, которая в каждой пьесе только
и делала, что насмеялась над ним.

— Что ж, убегу один! — решил
Пульчинелла.

Он храбро прыгнул на пол
и пустился бежать со всех ног.

«Как чудесно, — думал он, —
как прекрасно, когда нет на руках
и ногах этих проклятых ниток! Как
приятно ступать туда, куда хочешь,
а не куда велит хозяин!»

Одинокой деревянной кукле мир
представляется огромным и страш-
ным, населённым множеством свире-
пых котов, которые могут запросто
принять любое существо, бегущее
в ночной темноте, за мышь и сца-
пать своими страшными когтями.

Правда, Пульчинелле удалось до-
казать этим свирепым животным, что
они имеют дело с истинным арти-
стом.

Но на всякий случай он всё-таки
спрятался в каком-то саду, прилёг
под забором и уснул.

На рассвете он проснулся и по-
нял, что очень голоден.

Огляделся по сторонам и видит:
вокруг, насколько хватает глаз, одни
цветы — гвоздики, тюльпаны, цин-
нии, гортензии...

— Ничего не поделаешь, — решил Пульчинелла и, сорвав гвоздику, осторожно откусил лепесток.

Конечно, эта еда не шла ни в какое сравнение с бифштексом или хорошим куском филе окуня.

Цветы очень ароматны, но почти безвкусны.

И всё же травянистая гвоздика показалась Пульчинелле восхитительной — у неё был вкус свободы, а после второго лепестка он готов был поклясться, что вообще никогда не ел ничего вкуснее.

И он решил навсегда остаться в этом саду.

Спал он под защитой большой магнолии, широкие жёсткие листья её укрывали его от дождя и града, а питался цветами: сегодня гвоздикой, завтра розой...

И во сне и наяву ему мерещились горы спагетти и холмы свежего ароматного сыра, но он крепился и не сдавался.

Солнце и ветер со временем иссушили дерево, из которого был сделан Пульчинелла.

Он совсем уже высох, но зато стал таким ароматным, что пчёлы, летавшие за нектаром, иногда принимали его за цветок, опускались на его деревянную головку и старались отыскать своим хоботком желанное лакомство.

Но ничего, конечно, не находили и улетали разочарованные.

Между тем наступила зима. Опустевший сад притих в ожидании первого снега.

Бедному Пульчинелле нечего стало есть. И если вы думаете, что он мог бы отправиться куда-нибудь

в другое место, то ошибаетесь — на тоненьких деревянных ножках далеко не уйдёшь!

«Ну что ж, — решил Пульчинелла, — раз так, умру здесь. Не такое уж это плохое место, чтобы умереть. А главное, умру свободным. Никто больше не станет привязывать нитки к моей голове и дёргать за них, никто не заставит кивать в знак согласия, когда я совсем не согласен».

А потом выпал первый снег и накрыл маленькую деревянную куклу мягким белым одеялом.

Но Пульчинелла не умер, потому что деревянные куклы не умирают.

Весной на том месте, где он лежал, выросла гвоздика.

И Пульчинелла, укрытый землёй, спокойный и счастливый, подумал:

«Ну вот, над моей головой вырос цветок. Может ли кто-нибудь быть счастливее меня?»

Он и сейчас лежит в том саду, только никто об этом не знает.

А если вдруг случайно найдёте его, не привязывайте нитки к его голове!

Королям и королевам из кукольных театров такие нитки нисколько не мешают жить, наверное, даже наоборот, нравятся, а вот он, Пульчинелла, просто терпеть их не может.

СОЛДАТСКОЕ ОДЕЯЛО

Когда окончились все войны, солдат Винченцо Ди Джакомо вернулся домой.

Вернулся в рваной солдатской шинели, с сильным кашлем и со скаткой солдатского одеяла за плечами.

— Теперь отдохну, — сказал он своим близким.

Но кашель не давал ему ни минуты покоя и очень скоро свёл в могилу.

Жене и детям осталось на память о солдате только старое одеяло.

И досталось оно младшему из троих детей, который родился в промежутке между двумя войнами, и теперь ему только-только исполнилось пять лет.

Каждый день, ложась спать, мальчик укрывался отцовским одеялом, и мама рассказывала ему одну и ту же бесконечную сказку про фею, которая ткала большое одеяло, такое большое, что им могли укрыться все дети, что дрожат от холода на нашей земле.

Но всегда почему-то получалось так, что какому-нибудь мальчику его не хватало, он замерзал, плакал и просил дать ему хоть краешек одеяла, чтобы согреться.

И тогда фее приходилось распускать старое одеяло и приниматься за новое, побольше, потому что нельзя было просто пришить к нему ещё кусок. По закону волшебства, чтобы укрыть всех, кому холодно, одеяло обязательно надо было соткать целиком.

Фея работала день и ночь — ткала и ткала, не зная усталости, и малыш засыпал, так и не услышав, чем же кончалась сказка, удалось ли фее соткать такое одеяло, которого хватит на всех.

Малыша звали Дженнаро, и жил он вместе с семьёй неподалёку от Кассино.

Зимы там холодные, а эта выдалась ещё и голодная.

Вдобавок ко всему заболела мама. Что делать?

И тогда отдали Дженнаро знакомым, прежним соседям, которые стали просто бродягами.

Они жили в фургоне и ездили на нём по всей округе — где милостыню попросят, где поиграют на шарманке, а где продадут ивовые корзинки, которые плели во время своих долгих странствий.

Дженнаро дали клетку с попугаем.

Тот клювом вытаскивал из ящика билетики с числами, которые непременно выиграют в лотерее.

Дженнаро показывал попугая людям, и те могли за несколько мелких монет получить из клюва попугая такой билетик.

Дни тянулись длинные и скучные.

Случалось, бродяги попадали в сёла, где люди так бедствовали, что и милостыню подать не могли, и тогда Дженнаро доставался совсем маленький кусочек хлеба и совсем немного супа в миске.

Зато ночью, когда он укладывался спать и закутылся в старое отцовское одеяло — главное своё богатство, — он сразу же сладко засыпал, и ему снился попугай, который рассказывал сказку.

Тот человек, что приютил Дженнаро, когда-то воевал вместе с его отцом.

Он полюбил мальчика как родного сына, рассказывал ему разные истории и между делом учил читать надписи, что встречались по пути, — названия городов и деревень.

— Смотри, это буква «А» — две палочки, поставленные под углом, и перекладинка между ними. А вот эта буква, похожая на калитку с покосившейся перекладиной, — «И». Эта трость с кривой ручкой — «Р».

Дженнаро всё схватывал на лету, и когда ему подарили тетрадь и карандаш, научился списывать надписи.

Мальчик исписывал ими целые страницы, писал, например, «Анкона» или «Пезаро» — это города, в которых они побывали.

И наконец настал день, когда он сам без всякой помощи сумел написать своё имя — буква за буквой, без единой ошибки!

Какие же прекрасные сны видел он в ту ночь, когда уснул, завернувшись в старое солдатское одеяло своего отца!

И как хороша эта история, хотя она и не закончилась, а так и обрывается на полуслове, словно в конце предложения вместо точки поставлено многоточие...

КОЛОДЕЦ НА ТИХОМ ХУТОРЕ

На полдороге между Саронно и Леньяно на опушке дремучего бора лежала совсем маленькая деревушка под названием Тихий хутор.

Всего несколько семей жило тут, а точнее — одиннадцать.

И все пользовались одним колодцем, правда, необычным, даже странным, потому что вóрот, чтобы наматывать верёвку или цепь, тут был, а вот ни верёвки, ни цепи, чтобы поднимать ведро с водой, не было.

А всё потому, что каждая из одиннадцати семей держала дома возле ведра свою собственную верёвку.

И если кто-нибудь шёл за водой, то захватывал с ведром и её.

Набрав воды, он отвязывал верёвку и обязательно уносил домой.

Один колодец и одиннадцать верёвок!

А не верите, так пойдите туда, и вам расскажут про это точно так же, как рассказали мне.

Дело в том, что люди на этом хуторе оказались какие-то недружные — всё время ссорились.

И вместо того, чтобы купить всем вместе хорошую крепкую цепь для колодца, хотели вообще засыпать его землёй.

Но вот загремела война, и все мужчины из Тихого хутора ушли воевать, оставив жёнам много важных советов, в том числе наказ беречь верёвку и следить, чтобы её не украли.

А потом в Италию вторглись немцы.

Мужчины ушли в партизаны — воевать с захватчиками. Женщины жили в страхе, но каждая по-прежнему ревниво оберегала свою верёвку.

Как-то раз один мальчик пошёл в лес за хворостом и вдруг услышал, что в кустах кто-то стонет.

Осмотревшись, он увидел раненного в ногу партизана.

Мальчик побежал за матерью.

Женщина сначала испугалась, а потом решила:

— Отнесём его домой, спрячем. Будем надеяться, что кто-нибудь точно так же поможет в беде и твоему отцу. Ведь мы даже не знаем, где он сейчас и жив ли ещё!

Они спрятали партизана в сарае и послали за доктором, сказав, что заболела бабушка.

Но соседки ещё утром видели эту самую бабушку — здоровёхонька, сновала по двору, как курочка! — и догадались — что-то здесь не так!

Не прошло и дня, как вся деревня уже знала о раненом партизане, которого прячут в амбаре у Катерины.

Кто-то из стариков стал говорить:

— Если немцы узнают про это, придут сюда и всех нас убьют!

Но женщины не испугались.

Они только тяжело вздыхали, думая о своих мужьях, о том, что те, может быть, тоже ранены и так же скрываются где-нибудь.

На третий день одна женщина взяла кружок колбасы, пришла к Катерине и сказала:

— Бедняге надо поправиться. Покорми его!

А потом заглянула другая женщина, принесла бутылку вина.

За ней пришла третья — с мешочком муки, затем четвёртая — с куском сала.

До вечера все женщины деревни побывали в доме Катерины, и каждая что-нибудь приносила для партизана.

А уходя, все утирали глаза.

И всё время, пока партизан выздоравливал, все одиннадцать семей заботились о нём, как о родном сыне.

Наконец партизан поправился, вышел на улицу погреться на солнышке, увидел колодец без верёвки и очень удивился: отчего так?

Женщины даже покраснели от стыда.

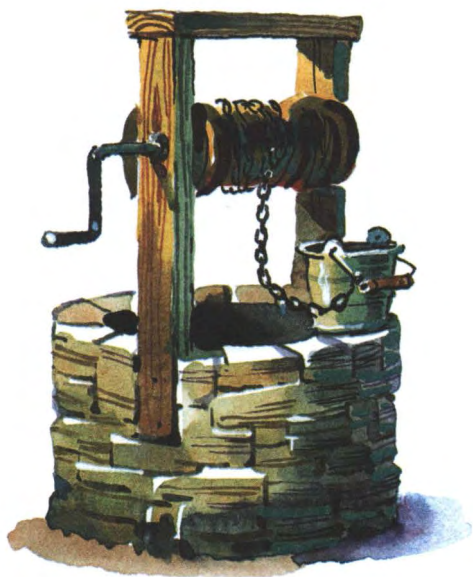
Хотели было объяснить, что у каждой семьи своя верёвка, и признаться, что часто ссорились друг с другом.

Но теперь-то это уже было не так, потому что, выхаживая раненого, помогая ему, они, сами того не заметив, подружились.

Разумеется, теперь не было никакой нужды держать одиннадцать верёвок.

И тогда женщины собрали деньги, купили цепь и привязали её к вороту, а партизан достал из колодца ведро воды, и это получилось так торжественно, словно памятник открыли.

А вечером партизан, совсем уже поправившийся, ушёл в горы добывать врага.

САПОЖНИК БЕЗ САПОГ

Пришёл я как-то в приют для престарелых — захотел навестить своего давнего знакомого — старого каменщика, с которым не виделся уже много лет.

— Расскажи, где довелось побывать за это время? — попросил он меня. — Может, путешествовал?

— Путешествовал, — ответил я. — В Париже побывал...

— О, Париж! Я тоже там был много лет назад. Мы строили тогда великолепное здание на берегу Сены. Интересно, кто сейчас там живёт? А где ещё был?

— В Америке...

— В Америке? Там я тоже работал когда-то. Даже не вспомнить теперь когда. Работал в Нью-Йорке, в Буэнос-Айресе, в Сан-Паоло, в Монтевидео. Мы строили там высокие здания... А в Австралии не бывал?

— Нет ещё.

— А мне довелось! Я был тогда совсем молодым и ещё только учился на каменщика, подносил вёдра с раствором и просеивал песок. Мы строили дачу одному синьору. Помню, однажды он спросил меня, как готовят спагетти, и записал всё, что я сказал. А в Берлине бывал?

— Нет ещё.

— А я строил там дома, когда тебя ещё на свете не было! Прекрасные здания мы там строили, хорошие, крепкие дома. Интересно, целы ли они ещё? А в Алжире бывал? В Египте? В Каире?

— Как раз этим летом хочу поехать туда.

— Ну, там повсюду увидишь замечательные дома. Не хочу хвастаться, но мои стены всегда очень хорошо сложены, и крыши мои никогда не протекают.

— Как же много вы построили домов!

- Да, порядком. По всему свету пришлось поездить...
- А себе дом построили?
- Ну, где там! Сапожник, известное дело, всегда без сапог! Видишь, живу в приюте. Вот как бывает на свете! Да, так ещё бывает на свете...
- Но, согласитесь, это очень, просто очень несправедливо!

ПЛАНЕТА ПРАВДЫ

Эту страничку я целиком переписал из учебника истории, по которому учатся ребята в школах на планете Мун, и рассказывает она о великом учёном по имени Брун (надо заметить, что там все слова оканчиваются на «ун», там, например, говорят не «луна», а «лунун», не «суп», а «супун», и так далее).

Вот она, эта страничка:

«БРУН, изобретатель, проживший две тысячи лет, в настоящее время хранится в холодильнике, из которого его извлекут через сорок девять тысяч веков, чтобы он начал новую жизнь.

Ещё младенцем, в пелёнках, Брун изобрёл МАШИНУ ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ РАДУГ, которая работала на воде и мыле, только вместо обыкновенных мыльных пузырей выпускала радуги любой величины, и даже такие большие, что могли протянуться с одного края неба до другого.

Вообще-то они служили для разных целей, в том числе и для того, чтобы развешивать на них бельё.

В яслях Брун, играя двумя палочками, придумал БУРАВ, ЧТОБЫ ДЕЛАТЬ ДЫРКИ В ВОДЕ.

Изобретение это получило очень высокую оценку рыболовов, которые развлекались с его помощью, когда рыба не клевала.

Будучи в первом приготовительном классе, Брун изобрёл:

МАШИНУ, ЧТОБЫ ЩЕКОВАТЬ ГРУШИ;
ГОРШОК, ЧТОБЫ ЖАРИТЬ ЛЁД;
ВЕСЫ, ЧТОБЫ ВЗВЕШИВАТЬ ОБЛАКА;
ТЕЛЕФОН ДЛЯ РАЗГОВОРОВ С КАМНЯМИ
И МУЗЫКАЛЬНЫЙ МОЛОТОК, который, забивая гвозди, исполнял чудесные мелодии, ну и многое другое в том же духе.

Слишком долго было бы перечислять все изобретения Бруна.

Назовём только самое известное, а это — МАШИНА, ЧТОБЫ ГОВОРИТЬ НЕПРАВДУ, которая действовала примерно так же, как автомат, который торгует кофе.

Опустишь монетку, и можешь выслушать сразу четырнадцать тысяч неправд.

В машине находились абсолютно все неправды на свете: и те, которые уже прозвучали когда-то, и те, что пока оставались в головах у людей, и даже те, которые они ещё только придумают.

Когда машина выдала все возможные неправды, людям осталось лишь одно — всегда говорить только правду!

Наверное, именно поэтому планету Мун ещё называют ПЛАНЕТОЙ ПРАВДЫ».

ДВИЖУЩИЙСЯ ТРОТУАР

На планете Би изобрели движущийся тротуар. Он проходит через весь город и похож на эскалатор, только горизонтальный.

Двигается тротуар медленно, чтобы люди успевали рассмотреть витрины и не падали, ступая на него или сходя.

На этом тротуаре есть даже скамейки для тех, кто предпочитает гулять сидя.

Это особенно нравится старикам и женщинам, которые носят тяжёлые хозяйственные сумки.

Когда старичкам надоедает сидеть в сквере и смотреть без конца на одно и то же дерево, они отправляются гулять на движущемся тротуаре.

Это очень удобно!

Кто читает газету, кто любит проплывающими мимо достопримечательностями...

Словом, люди отдыхают.

Благодаря изобретению этого движущегося тротуара на планете Би давно упразднены все трамваи, троллейбусы и автомобили.

Так что улицы теперь свободны, и ребята могут сколько угодно играть там в футбол.

А если какой-нибудь городской стражник вздумает отобрать у них мяч, его тотчас за это оштрафуют.

КОСМИЧЕСКОЕ МЕНЮ

Один мой друг, космонавт, побывал на планете X-213 и привёз мне оттуда на память меню одного местного ресторана.

Я перепишу вам его слово в слово.

Закуски

Речная галька в пробочном соусе.

Гренки из упаковочной бумаги.

Бефстроганов из самого лучшего угля — антрацита.

Первые блюда

Бульон из роз.

Сушёная гвоздика в чернильном соусе.

Запечённые ножки маленького столика.

Лапша из розового мрамора в масле из протёртых лампочек.

Свинцовые клёцки.

Вторые блюда

Бифштекс из армированного бетона.

Триштекс из железа.

Антрекот из чугунной ограды.

Кирпичное жаркое с черепичным салатом.

Нота «до» из горла индюшки.

Автомобильные покрышки, тушённые с поршнями.

Жареные водопроводные краники (горячие и холодные).

Клавиши пишущей (в стихах и в прозе) машинки.

Всё, что угодно.

Чтобы пояснить этот последний и довольно общий пункт меню, добавлю, что планета X-213, как вы уже догадались, вся целиком съедобная.

Там можно спокойно съесть любую вещь, хоть уличный асфальт.

«Даже горы?» — спросите вы.

И горы тоже.

Жители планеты X-213 уже съели целый Альпийский хребет.

Катается, например, мальчик на велосипеде и чувствует — проголодался.

Он слезает с велосипеда и съедает седло или насос.

А вообще ребята там больше всего любят колокольчики.

Первый завтрак обычно проходит так: звонит будильник, просыпаешься, хватаешь его и в два счёта съедаешь.

УЧЕБНАЯ КОНФЕТА

На планете Би нет никаких учебников. Знания там продают и покупают в бутылках.

История, например, это розовая водица, похожая на гранатовый сок, география — мятная зелёная водичка, а грамматика — бесцветная жидкость и на вкус совсем как минеральная вода.

Школ на этой планете тоже нет.

Каждый учится у себя дома.

По утрам все ребята, в зависимости от возраста, должны выпивать стакан истории, съесть несколько столовых ложек арифметики и так далее.

И всё равно — вы только подумайте! — ребята капризничают.

— Ну, будь умницей! — уговаривает мама. — Разве не знаешь, какой чудный вкус у зоологии?! Она же сладкая, очень сладкая! Спроси у Каролины (Каролина — это домашний электронный робот).

Каролина великодушно соглашается попробовать содержимое бутылки.

Она наливает чуточку в стакан, пьёт и чмокает от удовольствия.

— Ух, как вкусно! — восклицает она и сразу же начинает излагать полученные знания: — Корова — это жвачное парнокопытное, питается травой и даёт нам шоколадное молоко...

— Вот видишь? — торжествует мама.

Мальчик повинуется. Он слегка подозревает, что речь идёт не о зоологии, а о рыбьем жире, но потом берёт себя в руки, закрывает глаза и проглатывает урок одним глотком под аплодисменты.

Есть там, понятно, и прилежные ученики. Есть очень старательные и даже жадные до знаний. Они встают по ночам, открывают потихоньку бутылку истории и выпивают

её всю до последней капли. Они вырастают очень образованными людьми.

Для ребят, которые ходят в детский сад, имеются учебные конфеты — на вкус они напоминают землянику или ананас, персик или малину и содержат несколько простых стихотворений, названия дней недели, а также числа — от одного до десяти.

Мой друг космонавт привёз мне на память одну такую конфету. Я дал её моей дочке, и она сразу же начала читать смешное стихотворение, написанное на языке планеты Би. В нём говорилось примерно следующее:

*Анта, анта, перо, перо,
Пенто, пинта, пим перо!*

И я, разумеется, ничего не понял.

КОСМИЧЕСКИЙ ЦЫПЛЁНОК

Знаете, кто выскочил из шоколадного яйца под Новый год в доме профессора Тиболлы?

Всем на удивление — космический цыплёнок!

И оказалось, что он как две капли воды похож на земного цыплёнка.

Только на голове у него красовалась капитанская фуражка с телеантенной на боку.

Профессор Тиболла, синьора Луиза и их дети все сразу воскликнули: «Ой!» — и после этого ещё долго не могли найти никаких других слов.

Цыплёнок между тем осмотрелся вокруг и остался недоволен.

— Как же вы отстали на вашей планете! — с чувством превосходства произнёс он. — У вас ещё только Новый год?! А у нас, на Марсе-8, уже среда!

— Этого месяца? — поинтересовался профессор Тиболла.

— Вот ещё! Конечно, следующего! Но мы и годами ушли вперёд — у нас там на двадцать пять лет больше!

Космический цыплёнок прошёлся туда-сюда по столу, разминая лапки, и произнёс:

— Ах, но какая досада! Какая всё-таки досада!

— А в чём дело? — поинтересовалась синьора Луиза. — Что вас огорчает?

— Вы же сломали моё летающее яйцо, и теперь я не смогу вернуться на родину!

— Что вы такое говорите, молодой человек! Какое такое летающее яйцо?

— Но мы купили его в кондитерской! — воскликнула синьора Луиза.

— Вы просто ничего не знаете! Никакое это вовсе не шоколадное яйцо! Это самый настоящий космический корабль, только замаскированный под яйцо. И я — его капитан, переодетый цыплёнком!

— А где же ваш экипаж?

— Я и есть весь экипаж! Но теперь меня понизят в звании. Сделают в лучшем случае полковником.

— Да, но полковник выше капитана!

— Это у вас, потому что у вас все звания наоборот. А у нас самое высокое звание — простой гражданин! Впрочем, что теперь говорить об этом. Я не выполняю своего задания! Вот в чём беда!

— Очень жаль... Видите ли, мы охотно помогли бы вам, если бы только знали, какое у вас было задание...

— А я и сам не знаю! В той витрине, откуда вы меня забрали, мне следовало ждать нашего тайного агента...

— Интересно! — заметил профессор. — Значит, у вас уже и тайные агенты есть на Земле? А если мы пойдём в полицию и расскажем об этом?

— Ну и пожалуйста! Там же только посмеются над вами, когда заговорите про космического цыплёнка!

— Да, это верно... Но, может быть, вы хотя бы нам что-то скажете про вашу агентуру и тайные задания?

— Ну... Тайным агентам поручают обычно заблаговременно выяснять, кто из землян отправится через двадцать пять лет на Марс-8.

— Но это же просто смешно! Ведь сейчас мы даже не знаем, где находится такая планета — Марс-8.

— Вы забываете, дорогой профессор, что мы на двадцать пять лет опережаем вас по времени! Поэтому мы-то уже знаем, что капитана-астронавта, который будет на Марс-8, будут звать Джино.

— Надо же! — воскликнул старший сын профессора Тиболла. — Как меня!

— Чистое совпадение! — заключил цыплёнок. — Его будут звать Джино, и ему будет тридцать три года. Следовательно, сейчас на Земле ему ровно восемь лет.

— Пойдите! — удивился Джино. — Но мне тоже как раз восемь лет!

— Что ты меня всё время перебиваешь? — рассердился капитан космического яйца. — Как я вам уже сказал, мы должны найти этого самого Джино и других членов будущего экипажа, чтобы вести за ними регулярное наблюдение, без их ведома, разумеется, и воспитать их как следует.

— Что, что? — удивился профессор. — А мы, значит, плохо воспитываем наших детей?

— Вовсе нет. Только, во-первых, вы не приучаете их к мысли, что им предстоит жить в эпоху межпланетных путешествий; во-вторых, не внушаете, что они граждане не только Земли, но и Вселенной; в-третьих, не объясняете им, что понятие «враг» нигде за пределами Земли не существует; в-четвёртых...

— Простите, капитан, — перебила его синьора Луиза, — а как фамилия этого вашего Джино?

— Видите ли, он не наш, а ВАШ. А фамилия его Тиболла. Джино Тиболла.

— Так это же я! — подскочил на стуле сын профессора и закричал: — Ура!

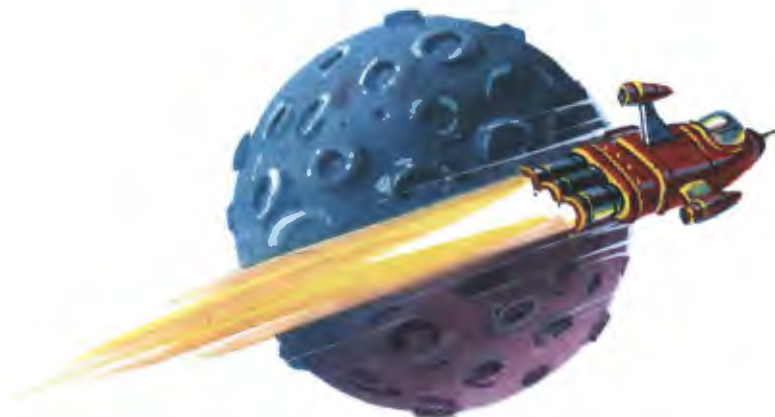
— Что значит «ура»? — воскликнула синьора Луиза. — Не думаешь ли ты, что мы с папой позволим тебе...

Но космический цыплёнок уже влетел в объятия Джино.

— Ура! Моё задание выполнено! Через двадцать пять лет вернусь домой!

— А яйцо? Что с ним делать? — вздохнула сестрёнка Джино.

— Ясно что — мы немедленно съедим его!
Конечно, они так и сделали.

ПРО ДЕДУШКУ, КОТОРЫЙ НЕ УМЕЛ РАССКАЗЫВАТЬ СКАЗКИ

— **Ж**ила-была одна девочка, и звали её Жёлтая Шапочка...

— Не Жёлтая, а Красная!

— Ах да, Красная Шапочка... Мама позвала её однажды и говорит: «Послушай, Зелёная Шапочка...»

— Да нет же, Красная!

— Да, да, Красная... Пойди к тётушке Диомире и отнеси ей картофельную шелуху...

— Нет! Мама сказала ей: «Сходи к бабушке и отнеси ей вот эту пшеничную лепёшку!»

— Ну, пусть будет так... Девочка пошла в лес, и навстречу ей жираф.

— Опять ты всё перепутал! Она встретила волка, а не жирафа!

— И волк спросил её: «Сколько будет шестью во-
семь?»

— Ничего подобного! Волк спросил её: «Куда
идёшь?»

— Ты права. А Чёрная Шапочка ответила...

— Это была Красная, Красная, Красная Шапочка!

— Ну, ладно, ладно. Красная. Она ответила: «Иду на
базар покупать томатный соус!»

— Вовсе нет! «Иду к бабушке, да вот заблудилась!»

— Правильно. А лошадь ей и говорит...

— Какая лошадь? Это волк был...

— Ну, конечно же, волк! Он и говорит: «Садись на
семьдесят пятый трамвай, доезжай до соборной площади,
сверни направо, там увидишь три ступеньки вниз, а ря-

дом на земле найдёшь монетку в одно сольдо. На ступеньки не обращай внимания, а монетку подбери и купи себе мороженого!»

— Знаешь, дедушка, ты совсем не умеешь рассказывать сказки! Всё перепутал! А мороженое ты мне всё равно купишь!

— Ладно. Вот тебе сольдо.

Мальчик убежал, а дедушка снова взялся за свою газету.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПЯТЁРКИ

— **Н**а помощь! На помощь! — кричит, убегая, бедняжка Пятёрка.

— Что с тобой? Что случилось?

— Разве не видите? За мной гонится Вычитание! Беда, если догонит!

— Скажешь тоже, беда...

И всё же беда случилась.

Синьора Вычитание настигла Пятёрку и принялась кромсать её своей острейшей шпагой — знаком «минус».

Ну и досталось же нашей Пятёрке — потеряла два пальца. Но тут, по счастью, мимо проезжала длинная заграничная машина — вот такая длинная!

Синьора Вычитание отвернулась на секунду, чтобы посмотреть, нельзя ли её укоротить немного, и Пятёрка тут же юркнула в подъезд.

Только это уже не Пятёрка, а Четвёрка, и вдобавок с разбитым носом.

— Бедняжка, что с тобой? Подралась с кем-то?

Боже праведный! Спасайся, кто может! Какой приторно-медовый голосок! Да это же синьора Деление собственной персоной.

Несчастливая Четвёрка еле слышно прошептала: «Добрый вечер!» — и попыталась шмыгнуть в сторону, но синьора Деление оказалась проворнее и одним взмахом ножниц — вжик! — разделила Четвёрку пополам. Получились две Двойки.

Одну синьора Деление спрятала в карман, а другая, уловив момент, выбежала на улицу и вскочила в трамвай.

— Ещё минуту назад я была Пятёркой! — заплакала она. — А теперь — смотрите, во что превратилась — в Двойку! Школьники шарахаются от меня, знать не хотят!

Водитель трамвая проворчал в ответ:

— Некоторые люди сами должны понимать, что им лучше ходить пешком, а не ездить в трамвае.

— Но я тут ни при чём! Я же не виновата! — краснея, воскликнула бывшая Пятёрка.

— Да, разумеется, Пушкин виноват! Так все говорят.

Двойка вышла на первой же остановке, пунцовая, как обивка на кресле.

И тут... ей опять не повезло: она нечаянно наступила кому-то на ногу.

— Ах, простите, пожалуйста, синьора!

Но синьора, оказывается, нисколько не рассердилась, напротив, даже улыбнулась.

Смотри-ка, да ведь это синьора Умножение!

У неё очень доброе сердце, и она очень сочувствует людям, когда те попадают в беду. Добрая синьора тут же умножила Двойку на три, и вот уже перед нами великолепная Шестёрка.

Почему великолепная?

Да это же Пять с плюсом!

Ни один учитель никогда не напишет шесть, а припишет к Пятёрке плюстик.

— Ура! Теперь я — Пять с плюсом! И меня обязательно переведут в следующий класс!

ЧЕЛОВЕЧЕК ИЗ НИЧЕГО

Жил однажды человечек из ничего. У него был нос из ничего, рот из ничего, одежда из ничего, и ботинки он носил тоже, конечно, из ничего.

Отправился как-то раз человечек из ничего по какой-то улице из ничего, которая никуда не вела, встретил мышку из ничего и спросил у неё:

— А ты не боишься кошек?

— Ничуть! — ответила мышка из ничего. — В этой стране из ничего кошки тоже из ничего, усы у них из ничего и когти из ничего. Кроме того, я люблю сыр. И ем только дырки. Они ничем не пахнут, но сладкие.

— Ах, у меня закружилась голова, — вздохнул человечек из ничего.

— Это потому, что она из ничего. Даже если вздумаешь биться головой о стену, не будет больно.

Человечек из ничего решил по-пробовать.

Нашёл стену из ничего, чтобы удариться о неё головой. Разбежался изо всех сил, но ни обо что не ударился, а просто упал по другую сторону стены.

Там тоже ничего не оказалось.

Человечек из ничего так устал от всего этого ничего, что заснул.

И приснилось ему, будто он — человек из ничего, идёт по дороге из ничего, встречает мышку из ничего и даже ест дырки от сыра, и мышка из ничего права: они действительно ничем не пахнут...

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Перевод Льва Тарасова

Поначалу в жизни нашей
Было всё не так, как надо.
Много сил вложили люди,
Чтобы сделать Землю садом.

Не было нигде тропинок,
Чтоб подняться в горы.
Без мостов речушки стали
Недоступны, словно море.

Не было нигде скамеек,
Чтоб присесть усталым.
Не найти нигде кроватей
Ни большим, ни малым.

Ноги вечно исцарапаны
Острыми камнями,
Потому что ни ботинок
Не было, ни няни.

И совсем не просто было
Тем, кто видел плохо:
Не найти очков, и всё тут, —
Сколько хочешь охай.

Хочешь в мячик поиграть —
Нет мячей в помине.
Хочешь есть — нет ни огня,
Ни горшков из глины.

Если, скажем, хочешь пить,—
Кофе нет, нет кваса.
Нет ни пищи, ни питья,
Вовсе нет — и баста!

Были только у людей
Руки, только руки,
И трудился предок наш,
Знать не зная скуки.

МНОГО СДЕЛАЛ ДЛЯ ЛЮДЕЙ
ЧЕЛОВЕК, БЕСПОРНО.
ЕЩЁ БОЛЬШЕ НАДО СДЕЛАТЬ —
ЗНАЙ ТРУДИСЬ УПОРНО!

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНА, ГДЕ НЕТ НИЧЕГО ОСТРОГО.....	5
НЕЗАДАЧЛИВЫЙ ОХОТНИК.....	9
ДВОРЕЦ ИЗ МОРОЖЕНОГО	14
КАК ГУЛЯЛ ОДИН РАССЕЯННЫЙ.....	17
ДВОРЕЦ, КОТОРЫЙ МОЖНО ЛОМАТЬ	23
ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ СЧИТАЛА «АПЧХИ!»	34
ВОЛШЕБНАЯ ПРИСТАВКА	36
СТРАНА, ГДЕ ВСЕ ЛЮДИ СДЕЛАНЫ ИЗ МАСЛА	40
ПРО АЛИСУ, С КОТОРОЙ	
ВСЕГДА ЧТО-НИБУДЬ СЛУЧАЛОСЬ	42
ШОКОЛАДНАЯ ДОРОГА.....	47
КАК ПРИДУМЫВАЮТ ЧИСЛА.....	49
БРИФ! БРУФ! БРАФ!.....	51
КАК ОДИН ЧЕЛОВЕК КУПИЛ ГОРОД СТОКГОЛЬМ.....	53
КАК ПОТРОГАТЬ КОРОЛЯ ЗА НОС.....	56
НЕБЫВАЛЫЙ ДОЖДЬ В ПЬОМБИНО	62
КАРУСЕЛЬ В ЧЕЗЕНАТИКО.....	64
НА ПЛЯЖЕ В ОСТИИ	75
ПРО МЫШОНКА ИЗ КНИЖОНКИ	81
ИСТОРИЯ КОРОЛЕВСТВА ОБЖОРИЯ	88

КАК АЛИСА В МОРЕ ПОБЫВАЛА	91
ВОЙНА КОЛОКОЛОВ.....	95
ФИАЛКА НА СЕВЕРНОМ ПОЛЮСЕ	100
ПРО МОЛОДОГО РАКА	108
ВОЛОСЫ ВЕЛИКАНА.....	113
КАК УБЕЖАЛ НОС	120
ДОРОГА, КОТОРАЯ НИКУДА НЕ ВЕЛА	126
ПУГАЛО.....	135
КАК ОДИН МАЛЬЧИК ИГРАЛ С ТРОСТЬЮ.....	137
СТАРЫЕ ПОСЛОВИЦЫ	141
ПРО АПОЛЛОНИЮ, МАСТЕРИЦУ ВАРИТЬ ВАРЕНЬЕ	143
СТАРАЯ ТЁТУШКА АДА	148
СОЛНЦЕ И ТУЧА	151
КОРОЛЬ, КОТОРЫЙ ДОЛЖЕН БЫЛ УМЕРЕТЬ	152
ВОЛШЕБНИК, КОТОРЫЙ ДЕЛАЛ КОМЕТЫ	157
РЫБАК ИЗ ЧЕФАЛУ	160
КОРОЛЬ МИДАС.....	165
СИНИЙ СВЕТОФОР.....	172
ПРО МЫШКУ, КОТОРАЯ ЕЛА КОШЕК.....	175
ДОЛОЙ ДЕВЯТКУ!.....	178
ТОНИНО-НЕВИДИМКА	180
ВОПРОСЫ НАИЗНАНКУ	188
ДОБРЫЙ ДЖИЛЬБЕРТО.....	191
СЛОВО «ПЛАКАТЬ»	195
ПЕРЕКОРМИТНОЕ ВОСПАЛЕНИЕ.....	198
ВОСКРЕСНОЕ УТРО.....	200
КАК ПОСКОРЕЕ УСНУТЬ.....	204
ПРОЗРАЧНЫЙ ДЖАКОМО	205
МАРТЫШКИ-ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ	210
СИНЬОР КАПРИЗУЛЛИ	212
ОДИН И СЕМЕРО.....	216
ПРО ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ ХОТЕЛ УКРАСТЬ КОЛИЗЕЙ	218
ЛИФТ К ЗВЁЗДАМ	222

ТРОЛЛЕЙБУС НОМЕР 75	229
СТРАНА, ГДЕ ЖИЛИ ОДНИ СОБАКИ.....	234
КАК УБЕЖАЛ ПУЛЬЧИНЕЛЛА	237
СОЛДАТСКОЕ ОДЕЯЛО	241
КОЛОДЕЦ НА ТИХОМ ХУТОРЕ	244
САПОЖНИК БЕЗ САПОГ	248
ПЛАНЕТА ПРАВДЫ	250
ДВИЖУЩИЙСЯ ТРОТУАР.....	255
КОСМИЧЕСКОЕ МЕНЮ	258
УЧЕБНАЯ КОНФЕТА.....	261
КОСМИЧЕСКИЙ ЦЫПЛЁНОК	265
ПРО ДЕДУШКУ, КОТОРЫЙ НЕ УМЕЛ РАССКАЗЫВАТЬ СКАЗКИ	270
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПЯТЁРКИ.....	274
ЧЕЛОВЕЧЕК ИЗ НИЧЕГО.....	278
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ	280

УДК 821.131.-34-053.2
ББК 84(4Ита)-44
Р60

Родари, Джанни.

Р60 Сказки по телефону / Джанни Родари ; перевод с итальянского Ирины Константиновой ; иллюстрации Владимира Канивца. — Москва : Эксмо, 2020. — 288 с. : ил.

ISBN 978-5-04-104355-1

Джанни Родари — итальянский сказочник, известный и любимый детьми и взрослыми во всём мире, особенно в России. Герои сказок Родари — такие как Чиполлино, Джельсомино — друзья многих поколений читателей.

В «Сказках по телефону» собраны маленькие сказки и занимательные истории. Например, про Рассеянного мальчика, который растерял всё на свете, заглядевшись по сторонам, или про девочку Алису, с которой всегда что-нибудь случалось, или про Дворец из мороженого, или про синьора Капризулли...

Перевод Ирины Константиновой, иллюстрации Владимира Канивца.

УДК 821.131.-34-053.2
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-04-104355-1

Gianni Rodari Favole al telefono
© 1980, Maria Ferretti Rodari and Paola Rodari, Italy
© 1991, Edizioni EL S.r.l., Trieste Italy
© Константинова И.Г., перевод на русский язык, 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание
Для среднего школьного возраста
әдеби-көркемдік баспа
орта мектеп жасындағы балаларға арналған

Родари Джанни
СКАЗКИ ПО ТЕЛЕФОНУ
(орыс тілінде)

Художник **Владимир Канивев**
Перевод с итальянского **Ирины Константиновой**

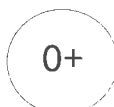
Ответственный редактор **Е. Ананьева**. Художественный редактор **И. Сауков**
Художественное оформление **В. Фридгельм**. Технический редактор **О. Кистерская**
Компьютерная графика **А. Кашлев**. Корректор **Н. Сикачева**

ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Россия, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел.: 8 (495) 411-68-86
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru
Өндүрүш: «ЭКСМО» АКБ Баспасы, 123308, Москва, Россия, Зорге көшөсү, 1-үй
Тел.: 8 (495) 411-68-86
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru
Түзүү бөлүмү: «Эксмо»
Интернет-магазин: www.book24.ru
Интернет-магазин: www.book24.kz
Интернет-дүкөн: www.book24.kz
Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы»
Казахстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС
Дистрибутор и представитель по приему претензий на продукцию
в Республике Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы»
Казахстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша арыз-талаптарды
қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС
Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1
Тел.: 8 (727) 251-59-90 91-92 E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген
Сертификация туралы ақпарат: сайтта: www.eksmo.ru/certification
Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Эксмо»
www.eksmo.ru/certification
Өндүрген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылған

Дата изготовления / Подписано в печать 25.02.2020. Формат 70х90^{1/16}.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,0. Тираж 3000 экз. Заказ № 44351.

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленных издательством
электронных носителей
в АО «Саратовский полиграфкомбинат».
410004, Россия, г. Саратов,
ул. Чернышевского, 59. www.sarpk.ru

Электронный вариант книги:

Скан, обработка, формат: manjak1961

ДЖАННИ РОДАРИ

— итальянский сказочник, известный и любимый детьми и взрослыми во всём мире (и особенно в России!).

Он лауреат премии Ганса Христиана Андерсена — высшей награды для детских писателей.

Герои сказок Родари — такие как Чиполлино, Джельсомино — друзья многих поколений читателей.

В книге «Сказки по телефону» собраны все — а их почти 70! — маленькие занимательные истории из этого цикла, в том числе и те, которых не было в русских переводах.

СКАЗКИ ПО ТЕЛЕФОНУ

ДЖАННИ РОДАРИ

#эксмодетство